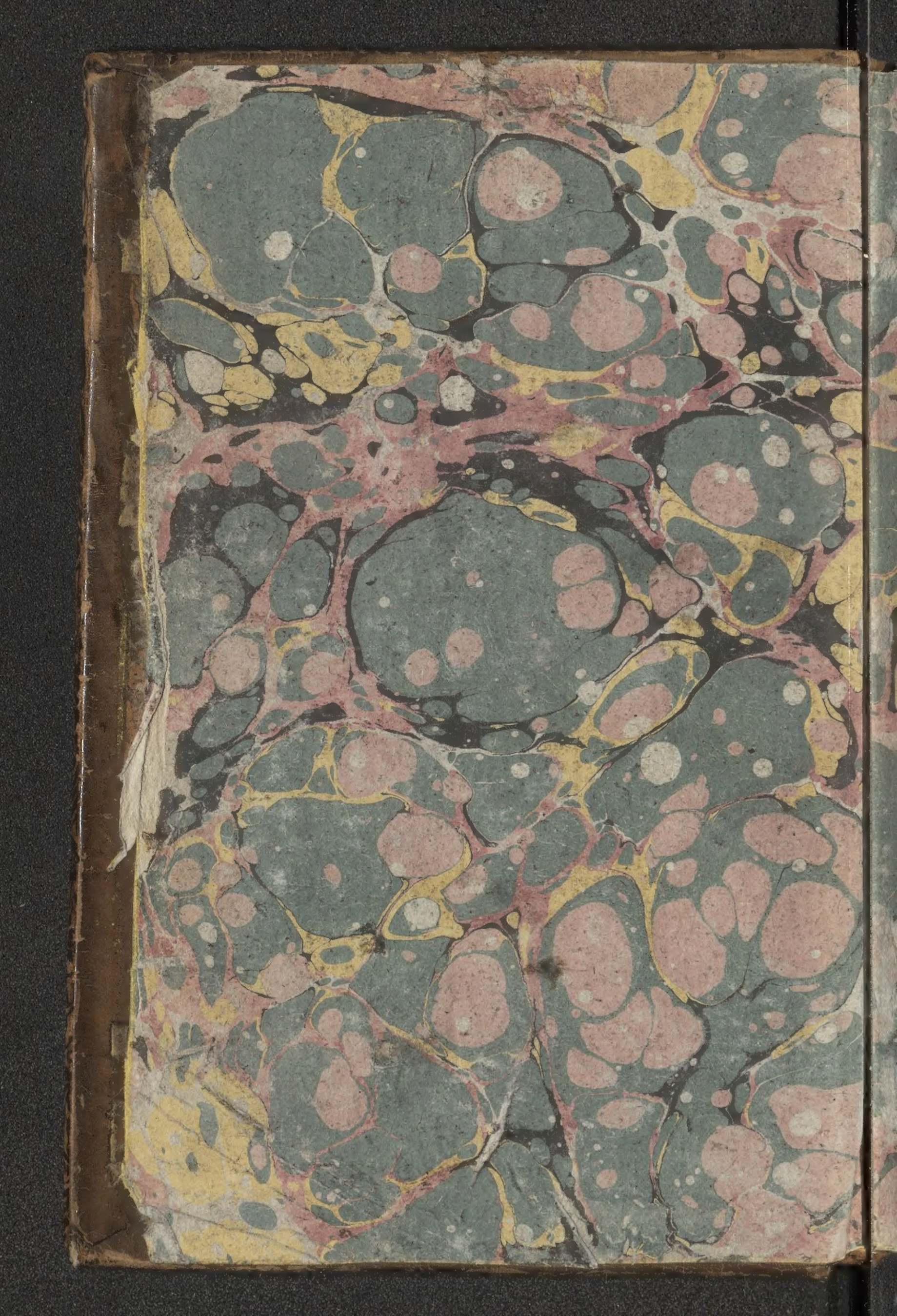
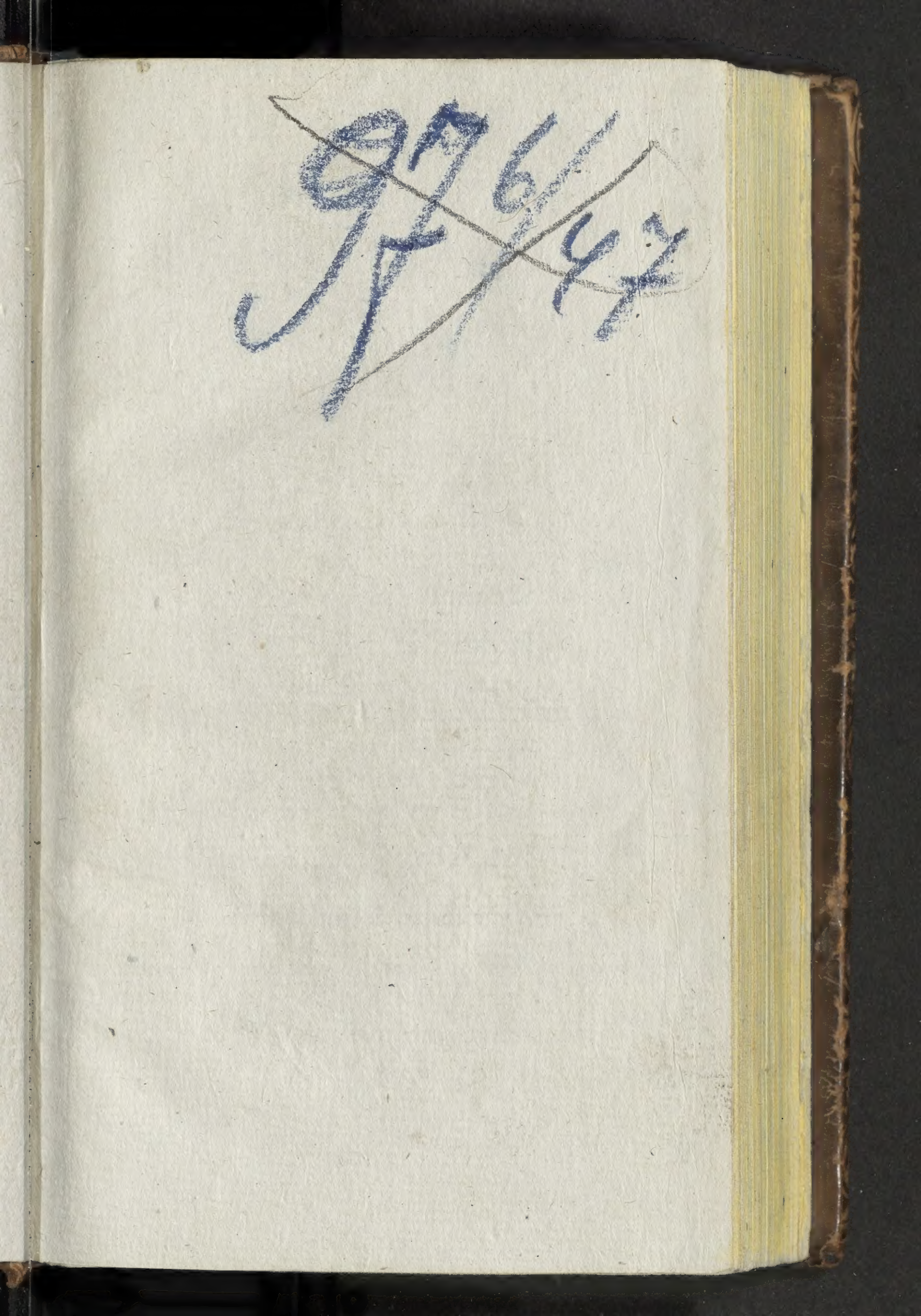
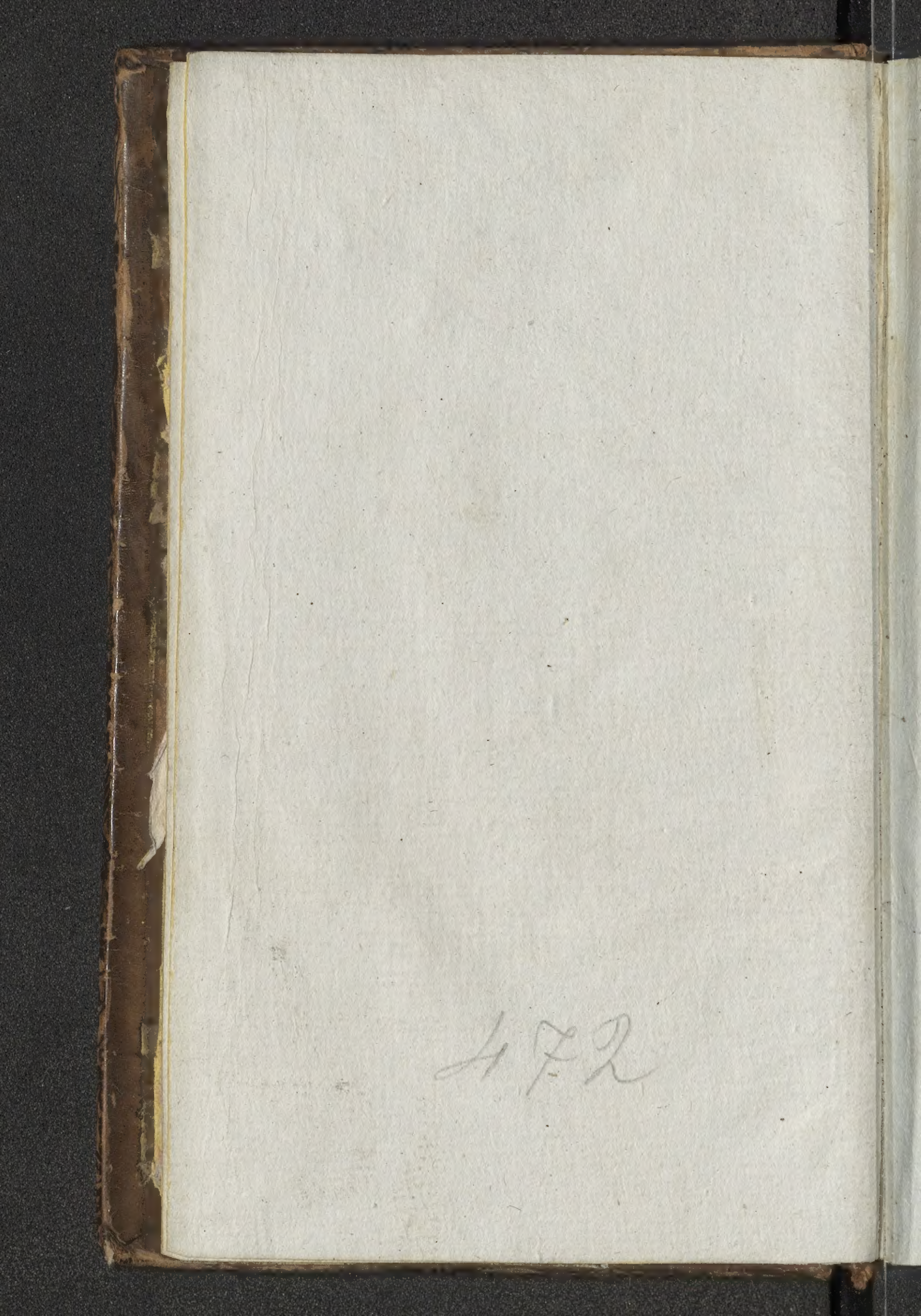

472

ВЕЧЕРА
МОЕЙ БАБУШКИ,

творенie

ДЮКРЕ-ДЮМИНИЛЯ.

Автора Лолотты и Фанфана, Яшеньки и Жеоржеты, Виктора или дитяти въ лѣсу, Поля или оставленной аренды, Юлiи или человѣческаго сердца, и прочихъ.

Est genius natale comes qui temperat astrum.

Горацiй.

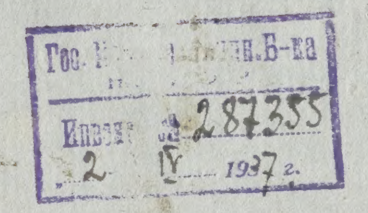
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

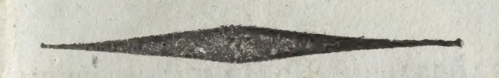
Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Типографiи С. Селивановскаго,
1803.

Продается у книгопро-
давца *Матвѣя Глазунова.*

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.

ВЕЧЕРЪ СЕДЬМОЙ.

Моя бабушка только что начала говорить намЪ новую сказку о волшебницахЪ, какЪ вдругЪ входитЪ Михайло, наемный ея работникЪ. Что ты, Михайло, говоритЪ ему бабушка? — Да что, сударыня! пожалуйте мнѣ заслуженныя мои деньги. КакЪ! твои деньги! сЪ умомЪ ли ты? тридцать шесть лѣтЪ служивши мнѣ, ты вздумалЪ теперь отходить! Я, сударыня, не могу на васЪ пожаловаться, а я много доволенЪ вашими милостями. Ну такЪ чтожЪ сЪ тобою

сдѣлалось? Когда ты говоришь, что тебѣ жить у меня хорошо, то скажи, кто тебя обидѣлъ: я разберу порядкомъ всю твою жалобу. Ахъ, сударыня! хоть и скажу, то все не только не повѣрите мнѣ, да еще и осердитесь. — Что ты, Михайло? говори? я тебѣ приказываю. — Вашъ, сударыня, внучекъ Іуда страшно меня выругалъ за то, что я не пустилъ его бѣгать по саду, гдѣ ростетъ у меня спаржа; называлъ меня дуракомъ, грубіяномъ, говоря мнѣ: какъ ты скотина осмѣлился меня учить? знаешь ли ты, что я твой баринъ? — Я, сударь, знаю, и вамъ говорю учтиво! — Іуда, поди сюда, сей часъ проси проще-

нія у Михайла! Маминька! . . .
Сей часъ, говорю, проси прощенія, и знай, что дитя въ твои лѣта и такой шалунъ, какъ ты, не долженъ такъ оскорблять стараго человѣка; а обходиться съ нимъ, какъ съ отцемъ своимъ.

Іуда просилъ у Михайлы прощенія. Михайло, будучи удовлетворенъ, вышелъ; а бабушка, побранивши Іуду за гордость и такую надменность, сказала намъ басеньку. Вотъ она.

ЗЕЛЕНЫЙ ДОМОВОЙ ДѢДУШКА,

СКАЗКА.

Жилъ нѣкогда одинъ богачь; его звали Пюидоромъ, по тому что онъ имѣлъ у себя прекрасныя помѣстья, великолѣпные замки, много земли, много слугъ, словомъ, былъ богачь. Жена его родила мальчика, прекраснаго какъ Амуръ. Пюидоръ созвалъ на родины всѣхъ волшебницъ, сколько онъ ни зналъ; одна дарила новорожденнаго умомъ, другая щастіемъ, третья богатствомъ, четвертая красотою. Дарили всѣ, но притворно, не отъ усердія; и это огорчило Пюидора: онъ открылся имъ въ своемъ неудовольствіи и волшебницы

замолчали. Не уже ли вы почитаете меня не добрымъ человѣкомъ? спросилъ у нихъ Пюидоръ. — Мы, говорятъ онѣ, не можемъ ничего болѣе сказать тебѣ: это есть одна изъ таинъ Промысла.

Тогда раздался тонкой и пріятной голосъ; но не видно было никого. Будь увѣренъ, сказалъ голосъ, ты добрый отецъ и ты добрая мать! сынъ вашь не будетъ золъ; но будетъ такъ гордъ, такъ гордъ, что когда исполнится ему двадцать лѣтъ, всѣ станутъ его презирать, естьли только до этого времени не пройдетъ онъ чрезъ всѣ общественныя состоянія: такъ судьбамъ угодно. Вы узнаете меня въ из-

вѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ.

Голосъ умолкъ, и пораженныя волшебницы дружка у дружкѣ спрашивали, долгое время думали, чей бы это былъ голосъ? и не могши отгадать: это волшебникъ Кислинъ, говорила одна. — Нѣтъ, другая говорила, у Кислина голосъ рѣзкой, какъ колоколъ: это не Гномъ ли, воздушный или эфирный житель? Ничего не бывало, говорила третья: я увѣряю васъ, что это духъ Урiилъ, который разбилъ съ чернилами бутылку, въ которой содержался онъ двѣ тысячи двѣсти лѣтъ. Нѣтъ, говорила четвертая: это долженъ быть Перисъ, житель

воздушный, столько же тонкій, какъ дыханіе Зефира.

Всѣ волшебницы терялись въ своихъ догадкахъ, и ни одна изъ нихъ не могла перемѣнить произнесеннаго опредѣленія Судьбы. Онѣ разошлись, давъ честное слово Пюидору, не оставлять его своею помощью.

Пюидоръ, чтобъ предостеречь отъ этаго порока гордости Бринданжа (такъ звали его сына), воспитывалъ его въ деревнѣ между бѣдными поселянами, не давъ ему даже и того знать, чей онъ былъ сынъ. Онъ думалъ что пріучивъ его къ сельской работѣ и не давши ему знать ожидающей его участи, онъ посе-

литъ въ душѣ его пріятный, тихій нравъ. Такъ разсуждалъ Пюлдоръ; но онъ не предвидѣлъ того, что матерняя нѣжность рушитъ всѣ его планы.

Его жена, досадуя на то, что цѣлыя десять лѣтъ не видала она своего сына, который жилъ въ деревнѣ, рѣшилась тайно съ нимъ видѣться, цѣловать его и разсказать ему все, что отъ него ни скрыто. Какая жалость, говорила эта добрая мать! можно ли равнодушно смотрѣть на это? Какъ онъ худо одѣтъ, какая у него пища, на чемъ онъ спитъ послѣ такой работы! Бѣдное дитя! нѣтъ, я не хочу болѣе видѣть его въ

шакомъ положеніи, какъ какого нибудь крестьянскаго сына. Я хочу утѣшаться своимъ сыномъ, веселиться съ нимъ въ собраніяхъ, и проч. и проч.

Эта добрая женщина не чувствовала того, что искала погибели своего сына. Лишь только Бринданжъ узналъ, что онъ сынъ знатнаго, богатаго человѣка: какъ вдругъ овладѣло его сердцемъ самолюбіе, и онъ оставилъ добрыхъ людей, которымъ поручено было его воспитывать, ушелъ отъ нихъ, не простясь съ ними. Ему казалось уже слишкомъ низко, говорить съ такими людьми, между которыми и имъ, какъ онъ думалъ, великая разность.

Пюидоръ досадовалъ сперьва, когда его жена привела къ нему Бринданжа; но увидѣвшись съ своимъ сыномъ, который у него былъ и первый и послѣднiй, забылъ весь свой гнѣвъ, и столько же, какъ и мать, любовался своимъ сыномъ. Учители всякаго рода, комнатные лакеи, богатства, лошади, все было у Бринданжа; и онъ столько успѣлъ въ своихъ наукахъ, что въ шестнадцать лѣтъ былъ онъ уже бравой молодецъ.

Между тѣмъ такъ былъ онъ гордъ, такъ гордъ, что всѣхъ сталъ презирать, своихъ домашнихъ бить, крестьянъ угнетать, за одно да или нѣтъ сажать въ тюрьму.

Мать его за то хвалила; но Пюидоръ внутренно сокрушался о такой слабости своего сына. Онъ видѣлъ, что исполняется предсказаніе невидимаго духа. Всѣмъ нравился Бринданжъ по своей красотѣ и по уму; но за гордость всѣ его бѣгали, и приглашая отца въ какое нибудь собраніе, просили, чтобы онъ не привозилъ съ собою сына, который говорилъ такъ надуто, какъ павлинъ. Въ самомъ дѣлѣ Бринданжъ, будучи еще шестнадцати лѣтъ, уже думалъ, что земля мала его носить, и что онъ всѣхъ за ничто ставилъ, какъ нашъ Іуда всѣхъ называлъ дураками, грубіянами. И такъ у него не было ни

одного друга: всѣ его презирали; онъ только самъ любилъ себя.

Однажды ночью Пюидоръ не спалъ, думалъ только о пагубной гордости своего сына: вдругъ слышитъ, что отдергиваетъ кто-то занавѣсъ, кра, кра, кра, кра. Потомъ слышитъ пріятный голосъ, который шепчетъ ему на ухо: Пюидоръ! настало урочное время для твоего сына. Тебѣ надобно съ нимъ на четыре года разстаться; завтра поутру отдай ты мнѣ его на руки; а естьли не отдашь, то я тебя увѣряю, что завтра ввечеру одинъ человѣкъ, котораго онъ обидитъ, вызоветъ его на поединокъ и убьетъ.

Выбирай любое: или на вѣки лишиться, или только не видаться четыре года. — Но... Не но, а я говорю тебѣ, что сдѣлаю его тихимъ, покорнымъ и любезнымъ. —

Вы кто таковъ? Ты это послѣ узнаешь: положись на меня, больше ничего тебѣ не скажу. Кра, кра, кра, кра, занавѣсъ опять задернулся и Пюидоръ не слыхалъ уже болѣе ничего. Всю ночь думалъ о томъ, что говорилъ ему голосъ, и не могши рѣшиться на то, чтобъ разстаться съ сыномъ, идетъ къ нему рано по утру, отворяетъ его комнату, отъ которой ключь былъ у него. Бринданжъ еще спалъ.

Отецъ подходитъ къ нему, чтобы его разбудить и разсказать ему о его поступкѣ, и видитъ на столѣ карточку, на которой написано: „завтра „ввечеру, государь мой! за „стѣною позади вала я омою „въ вашей крови ту гордость „и то презрѣніе, каковыми вы „меня обидѣли.„

Пораженъ будучи сими словами, и видя непонятное сходство этой карточки съ голосомъ невидимаго духа, который сказалъ ему, что его сынъ будетъ убитъ на поединкѣ, нещастный отецъ будитъ своего сына и дѣлаетъ ему нѣкоторыя препорученія въ загородный свой домъ, отъ горо-

да въ четырехъ миляхъ въ густомъ лѣсу. Пюидоръ думалъ, что тамъ въ лѣсу явится ему духъ и сдѣлаетъ съ нимъ, что онъ хотѣлъ. Бринданжъ, у котораго въ головѣ мерещется одинъ только поединокъ, хотѣлъ было отговариваться отъ сдѣланнаго ему препорученія; но думая, что онъ къ вечеру возвратится, садится на лошадь и ѣдетъ. Отецъ, проводивши его, залился слезами. Теперь, дѣти, посмотримъ, что дѣлается съ этимъ надутымъ молодымъ человѣкомъ.

Лишь только въѣхалъ онъ въ лѣсъ, какъ поднялась ужасная буря. Ударилъ возлѣ него пе-

рунъ и пошелъ такой сильной дождь, что не видно стало и дороги. Бринданжъ ищетъ, куда бы отъ погоды скрыться, привязываетъ къ дереву свою лошадь, видитъ входъ въ одну пещеру и прячется въ нее. Какую-то чудесною силою выросъ при входѣ сей пещеры большой кустъ смородины. Бринданжъ отъ усталости и жажды срываетъ кисть и кладетъ въ свой пересохшій ротъ. Тутъ вдругъ является передъ нимъ черный космaтый человѣкъ. Неблагодарный! говоритъ онъ Бринданжу; я позволилъ тебѣ укрыться отъ погоды, а ты ѣшь мою смородину. Ты за это будешь наказанъ! Ты кто та-

ковЪ, говоритЪ ему БринданжЪ?
—Узнаешь!

НеизвѣстныйдунулЪ на камни, и вдругЪ они завалили входЪ пещеры. БринданжЪ вЪ темнотѣ не видитЪ ничего, слышитЪ только голосЪ неизвѣстнаго, который говоритЪ ему: я подземный духЪ; моё дѣло качать вЪ землѣ золотыми, серебреными, мѣдными, желѣзными рудами и камнями, для того чтобы послѣ того можно было людямЪ доставать ихЪ изЪ земли. ВЪ наказаніе за твое обжорство ты долженЪ со мною работать.—СЪ тобою, болванЪ? — Тише, миленькой! тише, вѣдь ты не на землѣ теперь: уже поздно тебѣ храбриться. Ты

въ моей теперь власти, и я не прежде выпущу тебя отсюда, какъ когда увижу твою работу и твою покорность. Дай мнѣ свою руку и пойдемъ; не бойся ничего.

Бринданжъ грозитъ духу тѣмъ, что оторветъ ему уши; но всѣ его угрозы оставались безполезны. Не смотря на его гордость и досаду, Бринданжъ пошелъ за духомъ, самъ не зналъ, куда онъ шелъ, чувствовалъ только, что разступается земля, чтобъ дать имъ дорогу, и что онъ прошелъ въ глубину около тысячи тоазовъ, но за темнотою не видѣлъ ничего. Наконецъ увидѣлъ онъ слабый свѣтъ сквозь воду, которая была надъ его

головою. Теперь мы подъ моремъ, сказалъ духъ, и ты здѣсь начнешь свою работу. Сперьва собирай эти разсыпанныя соленыя крупинки, потомъ брось ихъ въ это пламя, которое въ Италіи выбрасывается изъ огнедышущихъ горъ, и когда такимъ образомъ достанешь изъ этаго песку желѣзную руду и разложишь ее въ верьхнихъ слояхъ, тогда мы съ тобою увидимся.

Бринданжъ остается одинъ. Наложенная работа унизила его духъ. Какъ, говорилъ онъ, не уже ли этотъ духъ хочетъ изъ меня сдѣлать слѣсаря! Мои руки и лице, всѣ почернѣетъ отъ этого желѣза. Боже мой! до чего я дошелъ? Я те-

перь живой погребенъ, и я никогда не увижусь съ своими родителями!....

Бринданжъ не принимается за работу, стоитъ сложивши руки и оплакиваетъ свое состояніе. Онъ видѣлъ всѣхъ чудовищь, плавающихъ въ морѣ, и боялся, чтобъ онѣ его не поглотили. Онъ слышалъ вокругъ себя роющихся въ землѣ кротовъ, видѣлъ большихъ земляныхъ червяковъ, которые различнымъ образомъ извиваясь, ползали вокругъ его. Въ это время тоненькой голосокъ шепнулъ ему на ухо: Бринданжъ! обѣщайся мнѣ все то сдѣлать, что я скажу тебѣ, и я выведу тебя на поверьхность земли! — Кто вы та-

ковы?—Я добрый твой духъ, который со дня твоего рожденія не оставлялъ тебя, и не оставлю никогда, естьли послушаешся моего совѣта; но я повторяю тебѣ, дай мнѣ вѣрное слово, что ты все по моему предписанію исполнишь; въ противномъ же случаѣ я не могу быть тебѣ полезенъ, и малѣйшее твое ослушаніе столько подчинитъ тебя духу этихъ рудниковъ, жестокому твоему врагу, что уже ты навсегда останешся въ его рукахъ.

Бринданжъ обѣщался все исполнять, и вдругъ почувствовалъ, что кто-то легонько взялъ его за волосы, что онъ не чувствовалъ ни малѣй-

шей боли, и онъ очутился на усѣянной различными цвѣтами долинѣ и точно возлѣ берега того моря, подъ которымъ находился онъ за минуту прежде. Поблагодаривши небо за освобожденіе его, онъ почувствовалъ, будто что-то летая коснулось его лица. Смотритъ и видитъ прекраснаго маленькаго домоваго, зеленаго какъ лугъ, съ крыльями изъ тонкаго флера: тѣло его, ноги, руки и голова, все спрятано было въ орѣховой шелухѣ. Глаза его сверкали, какъ два факела, и прекрасная звѣздочка, такая точно, какъ на небѣ, на лбу его свѣтилась различными огнями. Твой добрый духъ, сказалъ ему домовой дѣ-

душка, принялъ этотъ видъ для того, чтобъ ты могъ его видѣть своими глазами. Я при твоемъ рожденіи объявилъ твоимъ родителямъ твою участь, какая опредѣлена тебѣ судьбою. Я присовѣталъ твоему отцу отправить тебя въ загородной домъ; и теперь я же вывелъ тебя изъ подземной пропасти. Памятуешь ли ты данное мнѣ слово? Ступай, бѣги, да смотри, чтобы тебѣ что ни говорилъ или не приказывалъ, ты никогда не говори *нѣтъ*. Выпущенное изо рта *нѣтъ* лишитъ тебя въ мигъ моего покровительства. Смотри же, будь остороженъ. . . . Скажу тебѣ, что ты теперь отъ своей ро-

дины за двѣ тысячи миль и ты придешь туда въ извѣстное время, которое только мнѣ одному извѣстно. Прощай! Естьли ты будешь помнить мои слова; естьли не будешь произносить пагубнаго слова *нѣтъ:* то я всегда буду съ тобою. И естьли придешь ты въ какое замѣшательство, то выговори только мое имя, и я вдругъ къ тебѣ явлюсь.

Зеленый дѣдушка изчезъ. Бринданжъ долго занимался его фигурою. Онъ былъ за двѣ тысячи миль отъ родительскаго дома, въ неизвѣстной землѣ, безъ денегъ, безъ всякихъ драгоцѣнныхъ вещей (это все пропало, когда духъ вывелъ его изъ земли), безъ вся-

кой помощи, что осталось тутъ дѣлать Бринданжу? Терпя нужду, онъ шелъ все прямо, надѣясь къ ночи стать въ городъ, который видѣлъ онъ издали.

Идучи по полю, увидѣлъ онъ земледѣльца, который пахалъ землю; Бринданжъ, умирая отъ жажды и голодз, надѣялся въ этомъ человѣкѣ найти себѣ помощь, и подошедши къ нему, попросилъ *пить*. Изволь, я дамъ тебѣ испить, сказалъ ему земледѣлецъ, естьли ты окончишь мнѣ эту борозду. Я весь въ поту, и крайне усталъ! Ну что же ты скажешь? — Бринданжъ гордо говоритъ ему: я не созданъ для такой работы. Э! дружокъ, не прези-

рай моего состоянія. Я тебя кормлю. Однакожъ оставя все, сдѣлаешь ли это для меня или нѣтъ?—

При этомъ вопросѣ Бриндажъ вспомнилъ, что ему запрещено говорить *нѣтъ*, и сдѣлалъ земледѣльцу удовлетвореніе. Когда онъ хорошо поработалъ, земледѣлецъ далъ ему кружку вина и кусокъ хлѣба. Онъ пошелъ далѣе, встрѣтился съ извощикомъ, который говорилъ ему: другъ мой! мнѣ нужно кое объ чемъ переговорить съ тѣмъ земледѣльцемъ котораго ты оставилъ, и который по видимому тебя знаетъ; сдѣлай милость, отвези мою телѣгу въ городъ. Вотъ тебѣ мой кнутъ и мой каф-

танъ. Мое имя и адресъ ты увидишь тутъ на желѣзной бляхѣ. — За кого считаете вы меня, сказалъ ему съ тихостію Бринданжъ. Рожденъ ли я для этаго дѣла? — Послушай, дружокъ, другой бы на твоемъ мѣстѣ радъ былъ этакому случаю; каково же несть на себѣ весь съѣстной припасъ? Не лучше ли сидѣть да ѣхать? впрочемъ я не хочу тебя принуждать; мнѣ только хочется отъ тебя услышать да или нѣтъ.

Бринданжъ говоритъ, очень хорошо, и поѣхалъ ня телѣгѣ въ городъ, куда прибылъ онъ еще до захожденія солнца. Говоритъ женѣ извощика, что мужъ ея послалъ его къ ней и

просилъ ее, чтобъ позволила ему ночь переночевать. Очень хорошо, сказала женщина, только съ условіемъ, то есть, прежде нежели ляжешь спать, сбери всѣ зерна, которыя, какъ видишь, разсыпаны по двору, и переноси ихъ въ житарь. Всѣ эти зерна до ночи? Это невозможно!—Естьли приняться хорошенько, то будетъ возможно.—Да вить я не слуга вамъ?—Что ты говоришь? Ты и слугъ моихъ не стоишь. Они сами собою живутъ, имѣютъ свой хлѣбъ, свой домъ, и впервый разъ. никогда не отговариваются. (Бринданжъ покраснѣлъ) Смотри, мой другъ, скажи ты мнѣ еще это, вотъ я дамъ *нѣтъ*, ты можешь. . . .

Не думайте обо мнѣ иначе, сказалъ Бринданжъ, я готовъ вамъ во всемъ повиноваться.

Вдругъ подобралъ всѣ зерна, и входитъ.—Тутъ возвращается и извощикъ. Бринданжъ поужиналъ съ этими рабочими людьми и легъ спать. Поутру прощается съ хозяевами и спрашиваетъ, какъ ему найти начальника этаго округа. Я имѣю дарованія, говорилъ онъ самому себѣ, я могу служить, нажить деньги, и кто знаетъ, можетъ быть найду средство пройти на свою родину. Въ этой надеждѣ, онъ пошелъ къ начальнику, сказался иностранцемъ и просилъ опредѣлить его къ какой нибудь должности. Этотъ на-

чальникЪ былЪ своенравный и бѣшеный человѣкЪ. ОнЪ говоритЪ Бринданжу: я не люблю выходцевЪ; они здѣсь не вЪ модѣ, и я не могу ихЪ терпѣть: что ни скажи, никогда ничего не исполняютЪ, всегда отЪ всего отказываются. — ОтЪ чего? — Около ста уже лѣтЪ не чищены по улицамЪ каналы; а своихЪ подданныхЪ я не хочу употреблять на эту мерзкую работу. Не возмешься ли ты, я тебѣ хорошо заплачу. — — Боги! какой срамЪ! такой человѣкЪ, какЪ я! — Да, человѣкЪ, какЪ ты, который ищетЪ работы, не долженЪ много разбирать. — Ну говори, берешься или нѣтЪ? —

БринданжЪ вспомнивЪ, что

ему велѣно все дѣлать, никогда не отказываться, принялся за работу. Съ лопатою, съ метлою, ходитъ по городу, чиститъ грязь и всякую нечистоту. Вонь престрашная! Провелъ онъ цѣлый годъ въ этой работѣ, а дѣла еще года на три довольно. Тутъ онъ вспомнилъ, что духъ позволилъ ему призывать себя въ нуждѣ на помощь, кличетъ: зеленый дѣдушка! зеленый дѣдушка! Дѣдушка явился. Я, говоритъ ему Бринданжъ, все былъ покоренъ по вашему совѣту, все дѣлалъ, но нѣтъ уже болѣе моихъ силъ кончить эту работу.— Для чегожъ ты не скажешь?—Гей! гей? сюда, ко мнѣ жабы, лягушки! Вдругъ являет-

ся цѣлый полкъ гадинъ, каждая съ метлою въ правой лапѣ, и по приказанію дѣдушки зеленаго, принялись чистить городъ, и менѣе нежели въ одинъ день такъ хорошо вычистили вездѣ, что не надо лучше. Бринданжъ, гордясь тѣмъ, что дѣло все хорошо сдѣлано, пошелъ къ начальнику, который будучи доволенъ его ревностію и дѣятельностію, далъ ему рекоммендательное письмо къ Губернатору. Бринданжъ надѣясь наконецъ пожить на волѣ, приходитъ съ письмомъ къ Губернатору, который прочетши письмо, крикнулъ: прекрасно, мнѣ надобенъ Секретарь! Признаться, вашъ благодѣтель представилъ

мнѣ нужнаго человѣка. Не ужели не знаетъ онъ, что я набираю армію во сто тысячь человѣкъ, и что мнѣ рабочія разнаго рода люди теперь нужнѣе всякихъ Секретарей. Мнѣ къ завтрашнему утру нужно имѣть сто тысячь паръ башмаковъ? Ты, братецъ! не стыдись быть у меня на этотъ случай сапожникомъ. Поди, поди братецъ! это полезнѣе будетъ твоего секретарства. Впрочемъ естьли ты не мастеръ этаго дѣла, то я не дѣлаю тебѣ этаго препорученія.— Извольте, завтра все будетъ готово.

Бринданжъ далъ слово въ надеждѣ на своего дѣдушку. Онъ кличетъ его: зеленый дѣдушка! зеленый дѣдушка!

Является дѣдушка и собираетъ до двухъ тысячь крысъ, велитъ имъ сшить сто тысячь паръ башмаковъ. Башмаки готовы. — Бринданжъ несетъ ихъ къ Губернатору, и вотъ, дѣти, тутъ-то удивился Губернаторъ. Ты чужестранецъ, спросилъ онъ у него? Теперь пожалуйста приготовь платья, рубахъ, палатокъ, шляпъ и проч. на всю армію.

Бринданжъ обѣщаясь и это сдѣлать, кликнулъ зеленаго дѣдушку. — И добрый дѣдушка вдругъ поставилъ фабрику, и все въ день готово. Милліоны ласточекъ шили платье, тысячи милліоновъ пауковъ ткали полотна, а бобры ближняго острова доставляли шляпы.

Бринданжъ со всѣмъ запасомъ является къ Губернатору, который обрадовавшись тѣмъ, что имѣетъ все нужное для арміи, просилъ его, чтобъ онъ поискалъ его отца, начальника каменнаго острова, которому онъ можетъ быть полезенъ. Бринданжъ опять съ рекомендательнымъ письмомъ отправляется искать новаго начальника того острова, на которомъ не было ни деревьевъ, ни желѣза, ни мѣди, а только одинъ камень.

Бринданжъ пробылъ тамъ около двухъ лѣтъ, заготовлялъ столярную работу, лѣсъ, желѣзо, мѣдь, свинецъ и тому подобное при помощи зеленаго дѣдушки. Онъ принужденъ бу-

дучи заниматься низкою и грубою работою, бросилъ свое высокомѣріе и гордость, привыкши всякому угождать, боясь опаснаго для себя *нѣтъ*. Онъ бралъ участіе въ бѣдныхъ, помогалъ работникамъ, работалъ самъ, какъ добрая лошадь, и ни отъ чего не отказывался, что ни предлагали ему. Уже скоро должно исполниться времени его испытанія; и такъ добрый духъ, его путеводитель, хотѣлъ сдѣлать надъ нимъ послѣднее и строжайшее испытаніе. Пора уже мнѣ, говорилъ ему зеленый дѣдушка, отвести тебя въ твой домъ. Я тобою доволенъ; ты теперь такъ послушливъ, трудолюбивъ, ты злаго подземель-

наго духа довелъ до такого отчаянія, что онъ искалъ тебя и старался снова поймать въ свои руки. Послушай, завтра придетъ къ вечеру судно, садись въ него, и ты пріѣдешь въ Европу. Сказавши сіе, онъ скрылся и Бринданжъ сѣлъ на судно. Тутъ былъ онъ всѣмъ полезенъ, и всѣ путешественники его полюбили. Только что скажутъ ему, что надобно то-то сдѣлать; а у него уже и готово. Такъ-то, дѣти! этотъ надутый молодой человѣкъ, который на всѣхъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, сдѣлался такъ любезенъ, такъ тихъ, что лучше требовать не надобно.

Когда прибылъ онъ въ Евро-

пу, явился предъ нимъ зеленый дѣдушка; мнѣ надобно, говорилъ онъ ему, отлучиться на время, а ты ступай все по этой дорогѣ, и все говори *такъ* и дѣлай что тебѣ ни прикажутъ. Естьли ты кому откажешь, то пропадетъ весь долговременный трудъ твой, все твое терпѣніе; ступай, мой другъ! . . . . .

Зеленый дѣдушка улетѣлъ, и Бринданжъ въ задумчивости идетъ своимъ путемъ. Взошедши на пригорокъ увидѣлъ онъ бѣднаго человѣка, который былъ въ отрепьяхъ и просилъ милостыни: будь милостивъ ко мнѣ слѣпому!

Бринданжъ подалъ ему, и слѣпой благодаря его, сказалъ: ахъ

христіанская душа! я лишился своей любимой собачки, которая была мнѣ проводникомъ: сдѣлай милость проведи меня нѣсколько минутъ. — Ахъ, это слишкомъ непріятно, вскрикнулъ Бринданжъ, мнѣ вести слѣпаго!

Эти слова его были отголосокъ прежней его гордости. Онъ не чаялъ уже быть наказаннымъ. — Вдругъ услышалъ онъ подземный свистъ, и его ноги начали уходить подъ землю такъ точно, какъ будто тонетъ въ болотѣ.

Тутъ онъ задрожалъ, думая, что злой подземельный духъ нашелъ случай поймать его въ свои руки, и такъ онъ отвѣчаетъ слѣпому: поди, дружокъ!

я берусь служить тебѣ вмѣсто вѣрной твоей сабачки, и быть твоимъ проводникомъ.

Я не скажу вамъ, дѣти! что выперпѣлъ Бринданжъ въ цѣлые десять мѣсяцовъ! Водя слѣпаго отъ воротъ къ воротамъ, онъ съ нимъ просилъ и себѣ хлѣба, спалъ на чемъ попало, и пилъ одну воду. Бѣдный мальчикъ исхудалъ и болѣе всего отъ страха.

Наконецъ въ одинъ вечеръ слѣпому захотѣлось лечь спать въ пустомъ хлѣву и безъ крышки. (Бринданжъ долженъ былъ исполнять малѣйшія его затѣи). Тамъ легли они оба на полу, и заснули. Поутру просыпается Бринданжъ, протираетъ свои глаза и не видитъ уже болѣе

своего товарища, а вмѣсто его прекрасная молодая дѣвица, которая вокругъ него курила благовонными духами и покрывала его розовыми листьями. Онъ теперь лежалъ уже не въ хлѣву. Онъ узнаетъ домъ отца своего; тутъ входитъ къ нему Пюидоръ съ своею женою, осыпаютъ его поцѣлуями и своими ласками.

Какъ растолковать, заключалъ Бринданжъ. Вдругъ является зеленый дѣдушка и говоритъ ему: мой другъ! прошло время твоихъ испытаній; тебѣ исполнилось теперь 20 лѣтъ. Рѣшена твоя участь; ты прошелъ, какъ предписано было, всѣ состоянія жизни.

Былъ ты сапожникомъ, слесаремъ, портнымъ, я не знаю, чего ты не дѣлалъ. Это все ничего не значило передъ тѣмъ, что ты былъ проводникомъ слѣпаго. Этотъ слѣпой, другъ мой, былъ я самъ, твой добрый духъ, только въ такомъ видѣ. Чуть чуть не потерялъ ты себя вовсе, встрѣтившись съ нимъ. Тутъ я примѣтилъ, что злой подземельный духъ хотѣлъ тебя утащить къ себѣ.—Ты выдержалъ всѣ трудности, и ты теперь не знаешь болѣе ни гордости, ни тщеславія, ни зависти, ни лѣности, ни боловства, этихъ пороковъ, унижающихъ человѣка. Будь теперь вѣчно богатъ и щастливъ, женись на этой

красавицѣ. Я васъ обоихъ благословляю, богатствомъ, щастіемъ и дѣтьми, которыя будутъ вамъ во всемъ подобны. Я сей часъ оставлю теперешній свой видъ, и буду всегдашнимъ твоимъ хранителемъ, чтобъ ты опять не впалъ въ пороки своей юности.

Зеленый дѣдушка изчезъ, и на его мѣсто явился молодой прекрасный человѣкъ, нагой, небеснаго цвѣта, съ золотыми крылышками, въ вѣнцѣ изъ звѣздъ. Это былъ добрый Геній Бринданжа. Онъ не оставлялъ его никогда, какъ обѣщалъ, и вездѣ ходилъ за нимъ, какъ тѣнь.

Бринданжъ женился на любезной дѣвицѣ и составилъ

щастіе своихъ родителей, своей супруги, людей своихъ и всѣхъ, кто только ни былъ къ нему близокъ.

Видите, дѣти! какъ гордость унижена, наказана и презрѣнна. Но въ этой сказкѣ заключается много высокаго; оставивши всѣ чудеса волшебницъ, то есть: что человѣкъ все то долженъ почитать своимъ, что ни приведется терпѣть или какъ трудиться; что давать другому хлѣбъ никого не унижаетъ; что надобно помогать другимъ, хотя ты и не съ ними живешь; и что надобно иногда принаравливаться къ нѣкоторымъ затѣямъ другихъ.

ВЕЧЕРЪ ОСЬМОЙ.

Моя бабушка принесла къ намъ однажды маленькіе пирожки; тутъ-то у насъ всѣхъ прочистились глаза, такъ какъ обыкновенно случается, увидѣвши всякой подобный гостинецъ. Бабушка раздаетъ намъ только семерымъ свои пирожки, а Бенонію не даетъ. Я не хочу, миленькой! говоритъ она ему, тебѣ давать. Ты золъ. — *Я? маминька!* — Да вить я знаю, какъ ты осердясь оцарапалъ брата Адольфа, Фанфана ущипнулъ, и порядочно поколотилъ маленькаго Лилія за то только, что онъ безсильнѣе тебя. У тебя, Беноній! тяжелъ нравъ, ты часто вздоришь. — Ну, естьли вы

лишитесь меня, такъ какъ своей маминьки, которая уѣхала въ Парижъ, тогда что вы будете? — Никто васъ не возьметъ къ себѣ; вы все переломаете, разорите. Знай, милый! что тихость, скромность и вѣжливость самые лучшіе ваши титулы. Я хочу вамъ при этомъ случаѣ разсказать о двухъ мальчикахъ, оставшихся въ сиротствѣ и безъ наслѣдства, которые по одному своему пріятному нраву заставили всѣхъ любить себя. —

ДОБРОДЕНЬ и ДОБРОВЕЧЕРЪ,

СКАЗКА.

Были двое братьевъ, одного звали Доброденъ, а другаго Добровечеромъ: волшебница при рожденіи ихъ дала имъ различныя имена съ намѣреніемъ, о которомъ мы узнаемъ въ послѣдствіи. Доброденъ и Добровечеръ лишились своей матери, единственнаго блага, которымъ пользовались они до девяти лѣтъ. Они были бѣдныя сироты; но природа одарила ихъ красотою и добрымъ сердцемъ, и такъ не мудрено, что нашли они себѣ благодѣтелей и слѣдовательно пропитаніе.

Оставшись однимъ-одни стали они плакать. Потомъ Доброденъ, взявъ за руку своего

брата, сказалъ ему: братецъ! слезы ничего не помогутъ; утремъ-ка глаза и пойдемъ, не найдемъ ли какого сострадательнаго человѣка, который бы, взявъ насъ къ себѣ, доставилъ намъ пропитаніе. У насъ нѣтъ ни родителей, ни друзей. Пойдемъ искать своей доли.

Добровечеръ согласился на его предложеніе, и два братца пошли въ городъ, въ нѣсколькихъ миляхъ лежащій отъ ихъ деревни. Шли не останавливаясь, и на краю долины увидѣли небольшую избушку. Когда проходили они мимо ее, то хозяинъ вышедши на дворъ, увидѣлся съ однимъ своимъ знакомцемъ и сказалъ ему добраго дня!

Маленькой Добродень подумалъ, что его кличатъ, оборотился къ незнакомому, побѣжалъ и говоритъ: что вамъ, сударь, угодно?—Что ты, шалунъ! — Вы меня кликали? — Тебя! никогда. — Я думалъ, что вы примете къ себѣ меня съ братомъ?—Какъ же не такъ! въ самомъ дѣлѣ, я имѣю нужду въ такихъ повѣсахъ, какъ вы? Развѣ для того принять васъ, чтобъ послѣ хлопотать? Нѣтъ, ступайте къ чорту!

Онъ гонитъ ихъ прочь и захлопнулъ ворота. Добродень, взявши за руку своего брата, заплакалъ, говоря: какъ жестоки люди!

Въ вечеру наши два странника увидѣли по лѣвую сто-

рону прекрасный сельскій домикъ, въ которомъ, по ихъ замѣчанію, должно было жить богатому человѣку. Они такъ устали, что рѣшились постучаться въ дверь и просить ночлега. Тутъ подходитъ къ воротамъ молодой человѣкъ, хозяинъ дома; онъ провожалъ одного изъ своихъ гостей и говорилъ: до завтрева, до завтрева; теперь желаю вамъ добраго вечера!

Маленькой Добровечеръ подумалъ, что онъ его кличетъ, бѣжитъ къ этому молодому человѣку. Я здѣсь! чего изволите? — Что ты, мальчикъ? Вы меня кликали! — Тебя! божусь тебѣ этаго мнѣ и въ голову не приходило. А мнѣ такъ

послышалось. — Да и какое имѣю я дѣло до тебя?—Государь мой! мы двое бѣдные братья, мы просимъ ночлега. Позвольте маленькимъ путешественникамъ ночь переночевать, примите насъ, такъ какъ принимаете вы безсовѣстныхъ обѣдалъ. — Ахъ, братцы! извините, я не въ состоянiи этаго сдѣлать; теперь и безъ васъ трудно прожить. Я не хочу довести себя до такой крайности, какъ поселянинъ, который тамъ живетъ въ долинѣ. Онъ до того дожилъ, что удавился въ своемъ погребѣ.—Какъ? онъ удавился, мы видѣли его нынѣче по утру.— Вы видѣли его поутру, ну такъ болѣе уже не увидите.

Его уже нѣтъ на свѣтѣ. — Ахъ Боже мой! но этаго всего не переговоришь. Прощай! Поди ищи далѣе; у меня теперь нѣтъ для васъ ни хлѣба, ни квартиры. — Хозяинъ ушелъ на дворъ, заперъ ворота и Добровечеръ вскричалъ: ахъ, Боже мой, какъ люди несострадательны!

Уже сдѣлалось очень темно, и наши дѣти, не нашедши себѣ пристанища, расположились на травѣ съ боку на бокъ валяться и ночь ночевать. Имъ обоимъ приснилось одно: имъ казалось, будто добрая волшебница, которая была при ихъ рожденіи, вся въ золотѣ и въ дорогихъ камняхъ, сказала имъ: дѣти мои! будьте

только добры, покорны, учтивы и не бойтесь ничего. Тѣ будутъ щастливы, которые будутъ дѣлать вамъ добро; тѣ будутъ нещастны, которые станутъ васъ обижать.

Вставши по утру, они другъ другу разсказываютъ свои сны, и будучи крайне удивлены сходствомъ всего ими видѣннаго, положились во всемъ послѣдовать совѣту доброй волшебницы, и пошли далѣе, не ѣвши цѣлыя сутки. Они ужасно проголодавшись, просятъ одну старушку, которая мела возлѣ своей хижины. Доброй день, дѣти мои! говоритъ она имъ: что вамъ надобно? — Не пожалуете ли намъ куска хлѣба; мы умираемъ съ голода. — Съ

охотою, съ охотою дѣти! и подаетъ имъ.

Что это! какъ не дать ѣсть голодному. Надобно жалѣть бѣдныхъ, и я, дѣтушки, сказать правду, не имѣла никогда такого грубаго сердца, какъ у этаго хозяина, что видѣли вы тотъ домъ. Онъ не охотникъ дѣлать добро—За то собакѣ собачья и смерть: въ эту ночь онъ застрѣлился. Какъ, бабушка! хозяинъ этаго дома что вонъ тамъ? мы вчера ввечеру говорили съ нимъ! Ну такъ больше не будете говорить. Ахъ! куда онъ былъ суровъ и нежалостливъ! —Вы его знали! Не вы ли хозяйка этаго дома?—Нѣтъ, я въ услугахъ. . . . Каковъ вамъ кажется

здѣшній хозяинъ?—О! это Ангелъ на землѣ! но нещастный, бѣдный разорился отъ должниковъ. Естьли бы имѣлъ онъ шесть тысячь франковъ, которыми должны ему многіе за проданныя имъ семена, онъ поправилъ бы по крайней мѣрѣ эту хижину и былъ бы спокоенъ; но вотъ онъ и самъ идетъ; видите, какъ онъ печаленъ!

Тутъ приходитъ земледѣлецъ, хвалитъ свою работницу за ея доброе дѣло къ малымъ дѣтямъ и изъявляетъ имъ тысячу ласкъ. Не можетъ ли кто нибудь изъ васъ услужить мнѣ, говоритъ онъ, постеречь одинъ день моихъ козъ, которыя пасутся тамъ внизу на долинѣ.

Маленькой Добровечеръ согласился съ удовольствіемъ на предложеніе своего хозяина. Земледѣлецъ говоритъ ему: ты возвратишься мой другъ въ вечеру, и я дамъ тебѣ поужинать и найду для тебя постель, равнымъ образомъ и твоему брату, который останется со мною пособить мнѣ работать.

Добровечеръ пошелъ пасти козъ, а Добродень остался дома. Не прошло часа, какъ вдругъ пріѣхалъ къ воротамъ ихъ неизвѣстный человѣкъ, слѣзаетъ съ своей лошади и спрашиваетъ у старушки: дома ли хозяинъ? — Дома; на что онъ вамъ? — Да вотъ я ему привезъ тысячу двѣсти фран-

ковъ, которыми былъ долженъ.
—Хорошо! благодарю.

Земледѣлецъ беретъ деньги и идетъ въ комнату съ радостью; чрезъ минуту другой человѣкъ пріѣзжаетъ и спрашиваетъ дома ли хозяинъ? Дома, отвѣчаетъ старушка: я заѣхалъ къ нему, чтобъ отдать пять сотъ пятьдесятъ франковъ, которые давно уже занималъ я у него. Какое чудо!—Земледѣлецъ принимаетъ деньги и самъ дивится, какъ вздумали эти люди отдать ему долгъ, между тѣмъ какъ онъ сто разъ ходилъ за нимъ и все напрасно Добрый земледѣлецъ идетъ къ курятнику, гдѣ оставилъ онъ Доброденя: что за чудо у

меня! говоритъ онъ ему: мои куры снесли нынче по два яйца, между тѣмъ какъ до этаго отъ всѣхъ двенадцати я не болѣе четырехъ въ день видѣлъ; свинка моя опоросилась четырнадцатью поросятами; корова отѣлилась двумя тѣленками. Это Божіе благословеніе; все у меня стало умножаться да прибавляться. Работница кличетъ: баринъ, баринъ, къ вамъ пріѣхалъ изъ города купецъ, принесъ за зерна тысячу сто двадцать франковъ.—Не уже ли? не обманываешь ли? У этаго человѣка нѣтъ ни копѣйки — Онъ говорилъ, что получилъ отъ родителей наслѣдство. Хорошо, посмотримъ.

Земледѣлецъ идетъ принять деньги. Въ самомъ дѣлѣ всѣ должники одинъ за другимъ возвратили ему его долгъ въ одно время, какъ будто согласились, въ одинъ срокъ. Въ вечеру щиталъ онъ уже у себя до шести тысячь франковъ, и не могъ нарадоваться своему щастію.

Такъ, говорилъ онъ, думалъ ли я въ нынѣшній день быть такъ щастливъ? — Семь лѣтъ пропадали мои деньги; а теперь въ одинъ день все я получилъ. Богъ посѣтилъ меня, или какой нибудь Божій Ангелъ; вѣрно этому малютки причиною: имъ обязанъ я своимъ щастіемъ.

Земледѣлецъ началъ изъяв-

лять всю любовь маленькому Доброденю; зашло солнце, и Добровочеръ возвращается съ многочисленнѣйшимъ стадомъ козъ. Какъ, миленькой! говоритъ ему земледѣлецъ, ты обманулся, загналъ чужихъ козъ.—Я не знаю, добрый старикъ! я привелъ къ тебѣ столько, сколько самъ нашолъ.—Право, ты обманулся; у меня ихъ только восемь. Это сосѣднія козы сюда забѣжали —Я увѣряю васъ, что я подъ горою ихъ только видѣлъ. —Посмотримъ. Я своихъ узнаю; онѣ у меня всѣ помѣчены.

Земледѣлецъ смотритъ, началъ до двухъ сотъ, всѣ съ знакомъ, всѣ его обнюхиваютъ, лижутъ, и бѣгутъ въ хлѣвъ,

какѣ будто тамѣ давно жили. Этотѣ добрый человѣкѣ не понимаетѣ такого приращенія вѣ домѣ своемѣ, даетѣ ужинать Добровечеру и Доброденю. Послѣ ужина беретѣ Добровечера за руку и говоритѣ: пойдемѣ со мною дружокѣ! я хочу тебя подарить. Идетѣ сѣ нимѣ вѣ чуланѣ; вотѣ здѣсь спряталѣ я свое золото, плодѣ моихѣ трудовѣ, я хочу имѣ подѣлиться сѣ тобою; ищетѣ коженаго мѣшка сѣ деньгами и не находитѣ, а на мѣстѣ его видитѣ большой боченокѣ сѣ золотомѣ и серебромѣ на нѣсколько тысячь, сѣ алмазами и другими драгоцѣнными камнями. Земледѣлецѣ смотритѣ на Добро-

вечера.—Я не сомнѣваюсь болѣе въ васъ: вы дѣти какой нибудь феи, или находитесь подъ покровительствомъ какого нибудь добраго духа, который благословилъ весь мой домъ. Твой братъ Доброденъ доставилъ мнѣ щастливый день, а ты щастливый вечеръ. Ахъ! какъ прилично вы названы! Пойдемъ теперь спать. Завтра поутру раздѣлимъ между собою все это богатство, такъ какъ я и обѣщалъ тебѣ.

Земледѣлецъ положилъ дѣтей на своей постели. Поутру, когда пришли они въ большую комнату, чтобъ поздравить хозяина съ добрымъ утромъ, увидѣли они, что онъ

разговариваетъ съ богато одѣтою прекрасною женщиною. Дѣти мои! говоритъ имъ она: я волшебница, присудствовавшая при рожденіи вашемъ. Вамъ не надобно болѣе работать; я беру васъ въ свое полное покровительство и обѣщаю вамъ щастіе; но я прежде не могла быть вамъ такъ полезною, пока не нашли вы добраго, благороднаго и благотворительнаго человѣка. Вы до этаго времени въ себѣ имѣли все свое щастіе, дѣлая таковыми тѣхъ, которые бы васъ благосклонно ни принимали. Вы знаете, что сдѣлалось съ тѣми, которые васъ не приняли и еще выталкали: одинъ удавился, другой съ

ума сошелъ и умеръ; а этотъ земледѣлецъ принялъ васъ благосклонно: за то онъ будетъ вѣчно богатъ и щастливъ. Я нарочно назвала старшаго Доброденемъ, чтобъ его звѣзда обѣщала его благотворителю щастіе; а младшаго Добровечеромъ, чтобъ добрый старикъ повеселился съ нимъ въ вечеру. — Доброденъ да Добровечеръ и ты, благотворительный старикъ, живите вмѣстѣ: вы будете спокойны и щастливы, и никогда не забывайте, что невинность, честность и скромность есть украшеніе всякаго семейства, и что быть покровителемъ бѣдности и оставленныхъ безъ призрѣнія малыхъ дѣтей, значитъ быть щастливу.

ВЕЧЕРЪ ДЕВЯТЫЙ.

Намъ принесли новое платье, которое бабушка приказала сдѣлать для всѣхъ насъ къ празднику, наступавшему въ нашей деревнѣ. Для насъ ужъ и это былъ праздникъ, чтобы примѣривать свои жилеты и панталоны. Мы вытягивались съ ногъ до головы и осматривали себя въ зеркалѣ, которое висѣло на прекрасномъ орѣховомъ шкапу нашей бабушки. Одинъ только братъ Якимъ былъ недоволенъ своимъ платьемъ. Оно казалось ему то узко, то слишкомъ не нарядно; ему не нравился самый цвѣтъ. Якимъ ворчалъ, коверькалъ руки и ноги и столько разсердился на свой камзольчикъ, что разодралъ

его отъ верьху до низу. Бабушка очень тронулась этимъ поступкомъ, отняла у него новое платье и грозила, что въ наказаніе за его бѣшенство запретъ его на весь праздникъ дома. Дитя плачетъ; между тѣмъ все мало по малу утихло. Бабушка сдѣлала Якиму справедливый выговоръ и сказала намъ слѣдующую повѣсть.

БЕЛЗАМИНА,

или

Дѣвица съ зелеными глазами,

СКАЗКА.

Въ нѣкоторое время былъ ученый, да такой ученый, какихъ нѣтъ теперь во всемъ свѣтѣ. Онъ сочинялъ большія книги, стихи, повѣсти, комедіи, и такимъ образомъ набралъ цѣлыя бочки денегъ. У насъ очень рѣдко случается, любезныя дѣти, чтобы ученый былъ богатъ; но въ тѣ времена умѣли цѣнить любителей наукъ; притомъ же къ ихъ обогащенію очень не мало способствовали волшебницы, которыя всегда за ученымъ столомъ веселились и получали свои уроки.

Ученый, о которомЪ теперь говорю, и который назывался Огненною головою, имѣлЪ вЪ своихЪ услугахЪ волшебницу ЦвѣтовЪ. Она называлась этимЪ именемЪ по тому, что ей принадлежали риторическіе цвѣты. Сей волшебницы давно уже нѣтЪ, а естьлибЪ она была, то вЪ наше время умерла бы сЪ голоду. — Волшебница ЦвѣтовЪ женила своего друга, и предсказала, что молодая жена, родивши ему дочь, умретЪ. Всѣ силы ея волшебства не вЪ состояніи были отвратить сіе зло. ВЪ самомЪ дѣлѣ жена Огненной головы по предсказанію родила пригожую дочь, а сама умерла. Печальный отецЪ просилЪ

свою пріятельницу фею, чтобы она по крайней мѣрѣ дочери его дала всѣ совершенства, которыя имѣла мать.

Тутъ волшебница, взявши ребенка къ себѣ на руки, сказала слѣдующее: дитя сіе будетъ называться Белзаминою и будетъ прекрасна какъ свѣтлое утро; но я сама покорена року и могу только предсказаніемъ помогать тѣмъ нещастіямъ, которыя онъ опредѣляетъ людямъ. И такъ Белзамина будетъ сердита, своенравна и дерзка до тѣхъ поръ, пока три раза не увидитъ три раза прыгающей луны — Прыгающей луны, прервалъ ее Огненная голова! Ахъ! любезная фея, видно моей дочери

остаться во всю жизнь съ худыми нравами.

Я не говорю этаго; подожди, тогда увидишь, что мое предсказаніе не такъ безразсудно и не такъ страшно, какъ ты думаешь. Прощай, любезный другъ! прежде нежели возвращусь къ тебѣ, я должна — такъ опредѣлило наше общество — пролетѣть тридцать пять тысячь разъ вокругъ свѣта. Мы еще увидимся. — Жестокая! и ты хочешь оставить меня въ нещастіи! — Я должна повиноваться. Прощай! увѣряю тебя въ своей дружбѣ и помощи.

Волшебница поклонилась до земли и исчезла. Огненная голова пришелъ въ великое за-

мѣшательство. Остаться одному съ дочерью, къ которой онъ не чувствовалъ совершенной нѣжности: это было для него непріятно. Но все онъ былъ отецъ и не могъ ненавидѣть своей крови. И такъ Огненная голова принялъ къ себѣ умную старушку и поручилъ ей на своихъ глазахъ воспитывать Белзамину; а между тѣмъ и самъ прилагалъ возможное стараніе о смягченіи ея нравовъ.

Маленькая Белзамина со дня на день возрастала красотою; только глаза у нее были зеленые, какъ листъ на деревѣ. Впрочемъ они не только не дѣлали ее безобразною; но еще придавали ея физіогноміи ка-

кую-то прелесть и поразительность. Огненная голова крайне жалѣлъ, что не стало у него пріятельницы Феи, которая растолковала бы ему это чудо; однакожъ привыкъ съ прочими къ той мысли, что зеленые глаза дѣлаютъ его дочь прекраснѣе.

Между тѣмъ Белзамина еще въ малыхъ лѣтахъ обнаруживала свою склонность къ порокамъ, которыми ей угрожали. Она начинала уже со всѣми браниться; становилась своенравна, сердита, дерзка! она била свои игрушки, когда онѣ ей не нравились, рвала свое платье, когда оно не было по ея вкусу —Ни строгіе выговоры, ни побои не могли испра-

вить ее. Однажды разсердившись на отца за то, что онъ побранилъ ее, Белзамина тайно вошла въ его кабинетъ и изорвала всѣ манускрипты, надъ которыми бѣдный ученый трудился нѣсколько лѣтъ.

Этотъ дурной поступокъ до того разсердилъ Огненную голову, что онъ отдалъ свою дочь въ пансіонъ одной старухѣ, которая была нечувствительна, какъ камень. Но и тутъ Белзамина не только не смягчила своихъ нравовъ, но напротивъ сдѣлалась грубѣе и несноснѣе. Она безпрестанно обижала воспитанницъ колкими шутками; когда же онѣ съ своей стороны смѣялись надъ ея зелеными глазами, то

бѣсилась, пылала, какъ огонь, и грозила уйти на край свѣта.

Къ нещастію Белзамина и сдержала свое слово. Тогда ей было четырнадцать лѣтъ; злая Белзамина дала пощечину садовнику, нѣсколько пинковъ кухаркѣ, а служанкѣ выцарапала глаза. Содержательница пансіона хотѣла отослать ее къ отцу; но Белзамина взявши въ фартукъ всѣ свои вещи, пошла, какъ безумная, куда глаза глядятъ. Между тѣмъ какъ Огненная голова приходитъ въ отчаяніе о зломъ сердцѣ своей дочери, которое было причиною ея побѣга, Белзамина была уже подлѣ лѣса. Тутъ остановилась она и стала размышлять о своемъ поло-

женіи. Надлежало только одинъ разъ успокоиться ея разстроенной головѣ, чтобы сдѣлаться способною къ размышленію. — Белзамина нашла себя испорченнымъ ребенкомъ, начала плакать и возвратилась бы къ отцу, естьлибъ не помѣшала гордость. — Она не знала, что предпринять.

Въ это время она уснула и столь долго спала, что когда проснулась, то была уже полночь. — Вдругъ раздался у ея ногъ страшный шумъ. Белзамина съ ужасомъ вскочила и увидѣла передъ собою пребольшой ровъ, наполненный людьми. Одинъ молодый, прекрасный человѣкъ лежалъ на кипарисѣ. Бѣлый фантомъ спо-

ялЪ подлѣ него и кричалЪ: этотЪ прекрасный юноша былЪ бы супругомЪ Белзамины, естьлибЪ она имѣла лучшее сердце!

ВдругЪ сцена перемѣняется, и Белзамина видитЪ передЪ собою труппу прекрасныхЪ малютокЪ, которыхЪ вела добрая старушка, ихЪ няня. Является тотЪ же бѣлый фантомЪ и опять кричитЪ: вотЪ прекрасныя дѣти, которыхЪ Белзамина имѣла бы, не покинувши своего отца!

Третія картина, которая поразила БелзамининЪ взорЪ, были похороны. НапередЪ шли попы и пѣли сиповатыми голосами (*Святый Боже*); потомЪ вЪ открытомЪ гробѣ несли мертвое тѣло. Бѣлый фан-

томъ шелъ позади и кричалъ: вотъ въ какое состоянiе Белзамина повергла нещастнаго отца своего!....

Белзамина не могла выдержать сей ужасной сцены; она хотѣла въ горести броситься въ ровъ, чтобы обнять любезный прахъ отца, которому побѣгъ ея причинилъ смерть; но земля сомкнулась и все изчезло.... Родитель мой, вскричала она, нещастный отецъ! Ахъ, Боже! я была причиною его смерти! Вотъ плоды моего безумiя и худаго характера. Пойду брошусь по крайней мѣрѣ на его могилу и орошу своими слезами!

Сказавши сiе, она рѣшилась возвратиться къ своему

отцу, не смотря на то, что было еще темно; однако напрасно старалась вытти изъ лѣса, въ которомъ заблудилась, и день засталъ ее въ величайшемъ отчаяніи. Не могши вытти изъ лѣсу и не сумнѣваясь о причинѣ сего нещастія, она стала на колѣни и молилась Богу. Боже мой, говорила она, пошли мнѣ добраго человѣка, которой бы привелъ меня къ родителю: клянусь предъ тобою, что съ этаго времени буду кротка и послушнѣе!

Вдругъ подлетаетъ къ ней травникъ и говоритъ: я проводилъ бы тебя домой; но ты меня прибьешь!

Травникъ улетѣлъ. Съ вершины дерева маленькой попугай прокричалъ слѣдующія слова: Белзамина! я оказалъ бы тебѣ услугу, которой требуешь; но ты станешь безпрестанно бранить меня; не надѣйся на меня! — Попугай исчезъ. Является обезьяна и говоритъ съ улыбкою Белзаминѣ: я показала бы тебѣ дорогу къ твоему отцу; но боюсь, чтобъ ты не была неблагодарна и не ругала меня. Оставайся лучше въ лѣсу!

Обезьяна скрылась отъ Белзамины. И такъ, вскричала она, природа оставила меня въ жертву смертельному безпокойству! О Боже; какъ я нащастна!

Не успѣла она окончить сихъ словъ, какъ увидѣла передъ собою статнаго мущину, высокаго роста, который остановившись, смотрѣлъ на нее съ живымъ участіемъ. Государь мой, сказала ему Белзамина, Государь! помогите мнѣ; помогите нечувствительной дочери! Я оставила отца своего и причинила ему смерть! Сжальтесь надо мною, выведите меня изъ сего лѣсу, чтобъ я могла оплакать виновника дней моихъ! Ты требуешъ отъ меня невозможнаго, отвѣчалъ Белзаминѣ незнакомецъ: я духъ сего лѣса; мнѣ запрещено выходить изъ него; но утѣшся, твой отецъ не умеръ; волшебная картина, которая подала

тебѣ эти мысли, представляла глазамъ твоимъ только будущее: то есть, что онъ умретъ — твой отецъ, естьли не возвратишься къ нему съ другимъ нравомъ. — Что же мнѣ дѣлать? — Ступай за мною и покорись совершенно волѣ моей жены: я обѣщаюсь возвратить тебя къ отцу, естьли буду доволенъ твоимъ поведеніемъ; только говорю напередъ, что моя жена, волшебница грызунья, очень зла, и тебѣ надобно имѣть нравъ очень тихой, чтобъ ужиться съ нею. — Она стара, лицо у ней безобразно и отвратительно до чрезвычайности. Она полагаетъ свое щастіе въ томъ, чтобы дѣлать нещастными окружа-

ющихъ ея: хочешь ли нѣсколько времени прожить съ моею женою? О! нѣтъ, отвѣчала съ досадою Белзамина, я не столько терпѣлива, чтобы могла надѣяться исправить свой нравъ у такой женщины. Ну такъ оставайся здѣсь до тѣхъ поръ, пока угодно. До свиданія, красавица съ зелеными глазами!

Это очень безстыдно, сказала Белзамина сама въ себѣ, когда онъ ушелъ; какая нужда ему упрекать зелеными глазами! — Онъ предлагалъ такое прекрасное условіе, что я лучше дамъ себя съѣсть дикимъ звѣрямъ, нежели соглашуся на него.

Бѣлзамина, еще долгое время бродивши по лѣсу, наконецъ встрѣтилась съ пригожимъ пажемъ, одѣтымъ въ синій кафтанъ. Онъ спалъ на травѣ глубокимъ сномъ; Белзамина смотрѣла на него съ удивленіемъ и чувствительностію. Какъ онъ прекрасенъ! говорила она сама себѣ, и какъ щастлива была бы я, естьли бы этотъ столь любезный молодой человѣкъ меня вывелъ изъ лѣсу!

Бѣлзамина отважилась разбудить пажа и просить, чтобы подалъ руку и вывелъ ее изъ лѣсу; пригожій пажъ посмотрѣлъ на нее, третъ себѣ глаза, посмотрѣлъ еще и послѣ тысячи похвалъ ея красотѣ изъявлялъ свое сожалѣніе, что

не можетъ исполнить ея прозьбы. Меня самого, говорилъ онъ, держитъ здѣсь какая-то неизвѣстная сила; — подите въ замокъ къ моему отцу; онъ приметъ васъ какъ свою дочь. Это правда, что моя мачиха, волшебница грызунья, не очень тихая женщина; но — . . . . Какъ! Вы сынъ того духа. который только что. . . . . — Его родной сынъ. Къ моему нещастію онъ женился на другой женѣ; впрочемъ онъ меня любитъ и для меня приметъ съ удовольствіемъ такую прекрасную дѣвицу, какъ вы. Признаюсь, что вы становитесь для меня слишкомъ милы.

Долго разсуждала Белзамина, но не могла рѣшиться

жить съ злою волшебницею, отвергла предложеніе пажа, а онъ разставаясь съ Белзаминою, положилъ руку на сердце и клялся, что будетъ обожать ее до самой смерти.

Между тѣмъ какъ Белзамина предавалась задумчивости, въ которую привелъ ее видъ прекраснаго пажа, увидѣла передъ собою льва, который принесъ къ ея ногамъ большое бриліантовое ожерелье, сказавъ ей: прими подарокъ отъ молодаго пажа. Белзамина, поднявши ожерелье, прочла на немъ слѣдующія слова.

Доброе сердце имѣетъ чистоту сихъ бриллїантовъ.

За львомъ приходитъ леопардъ съ шелковымъ поясомъ,

золотомъ вышитымъ, — также отъ пажа. На поясѣ было написано:

Хорошій нравъ мягокъ, подобно семy шелкy.

Послѣ леопарда пришла дикая коза и бросаетъ передъ Белзаминою бархатное покрывало, усѣянное дорогими каменьями. Белзамина нашла на покрывалѣ сіи слова:

Добродушіе должно быть соединено съ красотою.

Наконецъ воронъ уронилъ съ дерева передъ Белзаминою розовый вѣнокъ, переплетенный по мѣстамъ незабудками. Они изображали слѣдующую надпись:

Розы увянутъ, но незабудки останутся; красота помрачится, но доброе сердце безсмертно.

Какъ учтивъ, говорила въ себѣ Белзамина, сей пригожій пажъ! Но онъ въ то же время даетъ наставленія, которыми должна я воспользоваться. Белзамина съ великимъ стараніемъ собираетъ всѣ подарки. Между тѣмъ ея безпокойство отчасу умножается, когда вспомнитъ, что она еще не вышла изъ лѣсу. Наступила ночь и Белзамина разкаивалась, что не послушалась столь прекраснаго и учтиваго пажа. Искавши тропинки, Белзамина увидѣла вдали слабый свѣтъ. Она думала, что это огонь въ хи-

жинѣ какого нибудь мѣстечка, и шла прямо къ сему свѣту; но подошедши ближе, увидѣла что это былъ бродящій духъ, который началъ хохотать, какъ сумасшедшій, видя, что завелъ Белзамину въ болото. Белзамина увязла въ грязи по шею и тщетно просила помощи. Одна лягушка отвѣчала ей: я выведу тебя изъ болота, естьли ты пойдешь на недѣлю въ служанки къ волшебницѣ грызуньѣ. Белзамина отказалась.

Еще кричитъ другая лягушка: Белзамина! естьли ты согласишься служить нашей госпожѣ волшебницѣ грызуньѣ, то эта вода превратится въ мягкую перину? Белзамина сей отвѣчала: нѣтъ. Наконецъ

подняла изъ воды голову змѣя и просвистала эти слова: Белзамина, естьли ты согласишься итти за пригожаго пажа, котораго ты видѣла въ синемъ кафтанѣ, то я перенесу тебя въ прекрасной дворецъ. О! я согласна на это, отвѣчала Белзамина.

Но она, говорила лягушка — очень зла и сдѣлаетъ нещастнымъ пригожаго пажа. Она очень сердита, прибавила другая. Клянусь вамъ, отвѣчала Белзамина. что я буду вести себя тихо. — Но ея судьба — сказала лягушка, должна исполниться! — Она должна увидѣть трижды прыгающую луну и потомъ искать сего щастія! — Какъ можно, отвѣчала

Белзамина, видѣть такое явленіе? Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, естьли ты искренно клянешся быть тихою. Призываю небо во свидѣтели моей искренности. — Такъ смотри!!.....

Тутъ лягушка бьетъ по водѣ; образъ отражаемой луны прыгалъ въ играющихъ струяхъ и Белзаминѣ показалось, что луна прыгаетъ. Она упала въ обморокъ и пришедши въ чувство, увидѣла себя на розовой постели; вокругъ ея стояли ея отецъ, духъ лѣсовъ, прекрасный пажъ въ синемъ кафтанѣ и незнакомая дама. Ваше раскаяніе, сказала Белзаминѣ дама, возвратило вашимъ глазамъ натуральный

цвѣтъ; они изъ зеленыхъ сдѣлались голубыми, какъ лазуревое небо. Ободритесь, Белзамина: вы видите во мнѣ волшебницу *цвѣтовъ*, бывшую при вашемъ рожденіи.

Всѣ очарованія, которыя васъ поразили въ лѣсу, произошли отъ меня, какъ отъ пріятельницы вашего отца. Волшебница грызунья былъ фантомъ, которымъ хотѣла я устрашить васъ; во всѣхъ явленіяхъ не было ничего истиннаго, кромѣ сына моего, пригожаго пажа въ голубомъ кафтанѣ, который васъ любитъ, и который долженъ быть вашимъ супругомъ. Родитель вашъ возвращаетъ вамъ свою нѣжность, и естьли вы сдер-

жите свое обѣщаніе, то будете щастливѣйшею женщиною. Не забывайте, что жестокое и злое сердце ставитъ васъ наровнѣ съ лягушками, змѣями и всѣми ядовитыми животными, которыхъ всѣ убѣгаютъ, какъ вредныхъ человѣческому роду.

Такъ, любезныя дѣти! это были наставленія доброй Феи цвѣтовъ, которыя она дѣлала Белзаминѣ, и сіе сравненіе съ лягушками и непрестанное нещастіе такъ поразили Белзамину, что съ сего времени была она во всю жизнь столь кротка и добродушна, сколько прежде зла, и сдѣлала щастливыми отца своего, мужа, дѣтей и всѣхъ окружавшихъ ея.

ВЕЧЕРЪ ДЕСЯТЫЙ.

Бабушка, вошедши съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ, спрашивала: кто изъ насъ отважился распространить слухъ, что ваша мать выходитъ за другаго мужа? — Августъ, любезная маминька, отвѣчалъ я. — Юдушка сердится за эту ложную новость и говоритъ, что никогда не станетъ его любить, какъ бы онъ ни былъ хорошъ. Юдушка представляетъ маленькаго хвастуна, онъ не хочетъ, чтобы его маминька вышла за другаго мужа; Юдушка показываетъ уже свои противорѣчія.... Это не правда, чтобы дочь моя имѣла такое намѣреніе. Въ письмѣ, которое я получила отъ нея, и которое

теперь видите у меня въ рукахъ, ваша маминька пишетъ, что ей дѣлаютъ такія предложенія; но она отвергаетъ ихъ изъ любви къ своимъ дѣтямъ и не хочетъ, чтобы у васъ былъ второй отецъ, который не можетъ дѣлить съ нею нѣжности къ вамъ. Теперь видишь, Августъ, что ты худо понялъ это письмо, хотя нѣсколько уже разъ его читала я вамъ; а Юдушка безразсуденъ, потому что его долгъ всегда уважать волю своей матери и стараться заслужить любовь новаго ея мужа, развѣ только онъ будетъ ея не достоинъ. При семъ случаѣ мнѣ пришла на мысль не большая повѣсть, которая можетъ вамъ служить хорошимъ урокомъ.

СТАРОЙ СѢРОЙ КОТЪ,
СКАЗКА.

Въ нѣкоторое время жила добрая старушка, которая была такъ стара и слаба, что не могла перейти съ одного мѣста на другое, и принуждены были возить ее въ креслахъ. У ней былъ сынъ, котораго она женила, но который скоро овдовѣлъ и самъ умеръ, оставивши послѣ себя трехъ дѣтей, одного мальчика и двухъ дѣвочекъ. Старая его мать такъ ненавидѣла сихъ трехъ сиротъ, что не хотѣла никогда ихъ видѣть и только думала о томъ, какъ бы лишить его наслѣдства. Для сего она хотѣла выйти замужъ и отдать все имѣніе первому молодому человѣку, который согла-

сится взять ее за себя. Это была всегдашняя ея мысль; а сироты страдали отъ слабости ума, произведенной старостію. Өедору, — это имя мальчика, было уже двадцать лѣтъ: онъ сдѣлался живописцемъ и прекрасно писалъ портреты. Онъ малымъ своимъ доходомъ дѣлился съ двумя сестрами, которыхъ воспитывалъ отъ себя на особливой квартирѣ, потому что бабка ихъ выгнала изъ своего дома.

Однажды къ старухѣ приходитъ часовой мастеръ, чтобы завести ея стѣнныя часы. Онъ былъ еще молодъ и довольно статенъ, но слишкомъ вѣтренъ и золъ. Его называли Г. Минутомъ. Г. Минутъ стоя

на стулѣ, заводилъ часы, какъ старушка спросила его, который ему годъ? — Тридцать первый — Вы еще молоды! — И могу еще, сударыня, располагать собою. — Каково состоянiе ваше? — Ахъ, сударыня! я долженъ какъ лошадь работать изъ хлѣба, потому что не имѣю другихъ пособiй, кромѣ своего мастерства. — Такъ я вамъ доставлю ихъ! Я получаю шестьдесятъ тысячь франковъ годоваго дохода: естьли вы женитесь на мнѣ, то уступаю вамъ его съ сего же дня..

Часовой мастеръ, который давно уже ласкался къ сей безумной старухѣ и хотѣлъ жениться на ней, въ надеждѣ что она скоро умретъ и оставитъ

ему въ наслѣдство все свое имѣніе, Г. Минутъ, говорю, былъ очень радъ, когда увидѣлъ, что его ласкательство и откровенный видъ получили свой успѣхъ. Онъ осыпалъ знаками любви простую старушку. Позвали Нотаріуса и на другой день сія смѣшная чета была обвѣнчана.

Между тѣмъ добродушный Ѳедоръ не зналъ сего произшествія и продолжалъ воспитывать своихъ сестеръ. Не смотря на великую несправедливость своей бабки, онъ внушалъ въ нихъ почтеніе къ той женщинѣ, которая родила ихъ отца. — Однажды пришло ему на мысль, что завтра Новый годъ. Чтобы исполнить свой

долгъ, онъ хочетъ итти поздравить бабушку съ Новымъ годомъ, и тѣмъ больше, что давно уже не видалъ ее. Подходитъ къ воротамъ; два лакея спрашиваютъ: съ кѣмъ онъ хочетъ говорить, съ бариномъ, или съ барынею? — Съ какимъ бариномъ? — Съ мужемъ нашей барыни — Съ мужемъ вашей барыни? Не уже ли моя бабушка вышла замужъ въ такія лѣта? — Для чего не такъ? Развѣ лучше оставить свое имѣніе тремъ развратнымъ внукамъ? Пускай же пользуется имъ честный человѣкъ, каковъ на прим. Г. Минутъ.

Ѳедоръ старается узнать свою судьбу и находитъ, что онъ съ сестрами изключенъ

изъ наслѣдства и все богатство его фамиліи перешло въ чужія руки. Въ горести онъ идетъ назадъ, сложивши руки и склонивши къ груди голову. Не о себѣ я жалѣю, лишившись столь великаго наслѣдства, говорилъ онъ, но о бѣдныхъ сестрахъ! Кто теперь пристроитъ ихъ? Я ужъ потерялъ навсегда эту надежду! О бабка! какъ худо ты цѣнишь сердце своихъ дѣтей!

Произнося такія жалобы, онъ нечувствительно сбился съ своей дороги и очутился у большой рѣки, на берегу которой было очень много людей. Что тамъ смотрятъ? спросилъ Ѳедоръ у перваго, который ему попался. На бѣднаго кота, от-

вѣчали ему, брошеннаго въ воду съ связанными ногами и съ камнемъ на шеѣ. — Боже мой! и такъ онъ бѣсится? — Никакъ нѣтъ! Хозяинъ, который утопилъ его, говоритъ, что онъ слишкомъ старъ, слабъ и скученъ — Бѣдный котъ! когда онъ сталъ старъ, то забываютъ услуги его молодости, и—бросаютъ! ..... Гдѣ онъ? — Вотъ плыветъ, посмотри, какъ онъ бьется, но тщетно, потому что онъ долженъ умереть! — Нѣтъ, это бѣдное животное, которое такъ сражается съ смертію, не погибнетъ.

Добродушный Ѳедоръ бросается въ рѣку, схватываетъ кота, развязываетъ его и бе-

ретъ домой, гдѣ съ своими сестрами истощаетъ всѣ старанія, чтобы возвратить ему жизнь, постилаетъ ему маленькую подушку, даетъ ему тѣлятины и хорошаго хлѣба, и старый сѣрый котъ приходитъ въ себя; но онъ такъ дуренъ, такъ дуренъ, что всякой не только не имѣлъ бы къ нему такого сострадания, каково было нашего Ѳедора, но еще и выкинулъ бы за ворота. Послѣ сего Ѳедоръ разсказалъ своимъ сестрамъ о томъ нещастіи, что ихъ бабка вышла замужъ за молодаго человѣка, который долженъ быть наслѣдникомъ всего ея имѣнія. Внуки всѣ равно горюютъ о своей участи, и всѣ вмѣстѣ

желаютъ, чтобы ихъ бабка была щасшлива съ симъ молодымъ человѣкомъ, котораго поведеніе и характеръ не слишкомъ хвалятъ. — Ѳедоръ садится за свое дѣло, но не можетъ ничего писать, у него кружится голова, темнѣютъ глаза и слезы льются рѣкою. Онъ бросаетъ работу. Пойду, говоритъ, и упаду на колѣни передъ сею несправедливою женщиною, не для того, чтобы упрекать ее новымъ замужествомъ, но чтобы вымолить у нее любовь, безъ которой жить не могу!........

Боже мой! естьли бы я имѣлъ средство открыть характеръ того изверга, котораго избрала она быть своимъ мужемъ! —

Избавитель мой! избавитель мой! вскричалъ старой сѣрой котъ, который лежалъ подлѣ него; не удивляйся, что я говорю. Когда я былъ въ рѣкѣ, изъ которой ты меня вытащилъ, то маленькая рыба — видно, что это была волшебница — прикоснувшись къ моей лапѣ, сказала: прими отъ меня даръ слова и силу дѣлать все, что ни захочешь для добраго, молодаго человѣка, который спасетъ тебѣ жизнь. — Это рыба сказала тебѣ? — Да, и я хочу воспользоваться ея даромъ, чтобы дать тебѣ хорошій совѣтъ: понеси меня подъ мышкою къ мужу своей бабки, который еще тебя не знаетъ, и ты увидишь. . . . ,

Θедоръ въ удивленіи беретъ стараго сѣраго кота и идетъ къ Г. Мунуту. Его представили къ нему. Я человѣкъ бѣдный, говорилъ ему Θедоръ, но имѣю чудеснаго кота, который говоритъ прекрасныя сказки и представляетъ очень много любопытнаго; не угодно ли видѣть его дарованія? — Хорошо, пусть онъ представитъ что нибудь: я готовъ за это заплатить. — У моего господина, говоритъ котъ, въ карманѣ есть небольшой золотой боченочикъ съ ликеромъ, изъ котораго можетъ сто тысячь стакановъ наполнить, и боченокъ все не будетъ пустъ. Покажи его, любезный господинъ.

Өедоръ шаритъ въ карманѣ, и въ самомъ дѣлѣ къ великому своему удивленію находитъ золотой боченокъ, длиною въ десять дюймовъ, изъ котораго течетъ превосходное вино.

Г. Минутъ, восхищенный спрашиваетъ: чего стоитъ эта штука? Десять тысячь франковъ — Десять тысячь франковъ? Вотъ они.

Өедоръ возвращается домой съ своимъ вѣрнымъ котомъ, и на другой день опять идетъ къ Г. Минуту. Мой господинъ, говоритъ котъ, имѣетъ ожерелье, состоящее изъ десяти рубиновъ, которые столь чудесны, что естьли отнять одинъ изъ нихъ съ одного конца, то на другомъ явится дру-

гой. Такое ожерелье очень выгодно, когда кто будетъ продавать съ него рубины; оно никогда не уменьшится. Любезный господинъ мой! покажи его.

Федоръ крайне изумился, видя, что нашелъ въ карманѣ такое ожерелье, которое описывалъ котъ. Онъ показываетъ его Минуту: Минутъ въ изступленіи платитъ за него пятьдесятъ тысячь франковъ.

Черезъ недѣлю Өедоръ опять приходитъ къ Г. Минуту, и котъ проговорилъ слѣдующее: у моего господина есть такая удивительная картина, которая показываетъ, что дѣлаетъ тотъ человѣкъ, о которомъ

подумаешь. Покажи ее, любезный господинъ!

Өедоръ вынимаетъ изъ кармана картину, величиною отъ трехъ до четырехъ дюймовъ, на которой въ миніатюрѣ представлена женщина подъ покрываломъ. Г. Минутъ захотѣлъ, чтобы эта женщина была его жена. Покрывало вдругъ сошло съ портрета и представило старуху съ очками на носу. Чего стоитъ эта картина? спрашиваетъ Минутъ, часъ отчасу приходя въ большее удивленіе? Двѣ тысячи ефимковъ. — Вотъ они.

Наконецъ спустя двѣ недѣли возвращается Өедоръ къ Минуту и показываетъ ему по словамъ своего кота розовый кустъ,

на которомъ растутъ золотыя розы въ такомъ множествѣ, что естьли сорвешь одну, то на ея мѣстѣ вырастаютъ двадцать. Минутъ платитъ двадцать тысячь франковъ за эту вещь. Черезъ мѣсяцъ еще купилъ онъ у Ѳедора за сто тысячь франковъ такую изъ точильнаго камня кружку, которою естьли зачерпнешь воды и станешь послѣ выливать, то вмѣсто воды будетъ литься кучами золото и серебро. Тутъ Минутъ столько былъ удивленъ и столько восхищенъ талантами Ѳедора, что просилъ его на завтра къ обѣду и вмѣстѣ съ котомъ. Этаго-то и ожидалъ лукавый старый котъ.

Когда пришли они съ своимъ господиномъ къ обѣду, то столъ уже былъ накрытъ, и стараго кота приборъ былъ поставленъ подлѣ прибора Өедоровой бабки. Ему лестна была эта честь, однако онъ не совсѣмъ ей предается. Садятся за столъ. Передъ приборомъ — старому сѣрому коту поставлены были кресла. Старая бабка съ слабыми глазами не узнала своего Өедора, котораго она уже выгнала изъ дому тому уже десять лѣтъ. Начинаютъ разговоръ, начинаются шутки и старый сѣрый котъ говоритъ то важнымъ, то веселымъ тономъ и всѣхъ заставляетъ удивляться своимъ дарованіямъ. За де-

сертомЪ Г. Минуту захотѣлось всѣхЪ удивить. ОнЪ приказалЪ налить вина изЪ неистощимаго своего боченка, но прекрасно удивилЪ! боченокЪ превращается на столѣ вЪ орѣховую шелуху! . . . АхЪ Боже мой, говоритЪ МинутЪ, какое превращеніе! . . . Подайте по крайней мѣрѣ рубиновое ожерелье; я хочу подарить его своей женѣ.

ПодаютЪ ожерелье и оно вдругЪ превращается вЪ нитку, на которой нанизаны пробки точно такЪ, какЪ дѣлаютЪ для собакЪ ошейники. АхЪ! вскричалЪ МинутЪ, меня обманули; но посмотримЪ чудный розовый кустЪ.

Подаютъ розовый кустъ. Онъ превратился въ терніе. Неуже ли почитаютъ меня осломъ, говоритъ Минутъ, что подаете мнѣ на столъ терніе? Я хочу испытать еще кружку... Извольте, отвѣчаетъ ему человѣкъ, подавая кружку. Изъ ней ничего не льется, кромѣ мутной воды, которая замарала скатерть и все платье у дамъ.

Минутъ приходитъ въ бѣшенство и кричитъ, естьли картина еще обманетъ меня, то я удавлю проклятаго кота, который у меня похитилъ столько денегъ.

Поставили на столъ магическую картину. Тутъ старый сѣрый котъ проговорилъ: что

касается до сего талисмана, то онъ не перемѣнился. Онъ покажетъ Гжѣ. Минутъ, кто ея мужъ. Смотрите — Г. Минутъ награждаетъ въ забавахъ съ молодыми дѣвушками то, чего не можетъ найти въ старой своей женѣ. (Картина представляетъ эту сцену). Смотрите, Г. Минутъ украшаетъ своихъ любовницъ бриллїянтами и кружевами своей жены. (На картинѣ представляется каждая сцена.) Смотрите, Г. Минутъ проигрываетъ тридцать тысячь франковъ, которые онъ заплатилъ, и еще долженъ столько же. . . . Смотрите, Г. Минутъ напивается до пьяна съ подобными себѣ мотами. . . . Смотрите, Г. Минутъ желаетъ

своей женѣ смерти, чтобъ скорѣе промотать ея богатство! . . . . .

Тутъ Г. Минутъ хотѣлъ говорить, но у него языкъ оледенѣлъ во рту — Старый сѣрый котъ продолжаетъ: теперь посмотрите на добраго Θедора, внука госпожи; — на двухъ сестръ сего добродѣтельнаго молодаго человѣка, которыя просятъ небо о здравіи и благополучіи своей доброй бабушки. Посмотрите, какъ онѣ работаютъ, чтобы достать насущнаго хлѣба въ потѣ лица! Посмотрите, Θедоръ возвращаетъ своей бабкѣ сто восемьдесять тысячь франковъ, которые платилъ ему Г. Минутъ за дѣтскія игрушки, приписы-

вая имъ много чрезвычайнаго. Такимъ-то образомъ промоталъ Г. Минутъ имѣніе своей жены! Онъ уже продалъ помѣстья и написаны уже купчія; но еще не ушло время пособить этому. Что вы скажете на это, Гжа. Минутъ?

Престарѣлая Г. Минутъ заливается слезами, проситъ своего внука, который бросается въ ея объятія, и она принимаетъ его съ прежнею нѣжностію. Тутъ Г. Минутъ хотѣлъ выкинуть стараго сѣраго кота за окно, но вдругъ на мѣсто его явилась среди собранія фея, вся въ золотѣ и дорогихъ каменьяхъ. Я фея, сказала она, покровительница угнетенной невинности. Я употре-

била рыбу и стараго кота, чтобы сдѣлать щастливымъ Ѳедора, и хочу еще употребить своего любимца для наказанія сего мота, который вошелъ въ эту фамилію, чтобы привести въ бѣдность законныхъ наслѣдниковъ.

Волшебница ударила Минута и онъ превратился въ черную мышь. Старый котъ бросается на нее и грызетъ предъ всѣми, какъ цыпленка. Тѣмъ сказка и кончится. Ѳедоръ съ своими сестрами сталъ жить у своей бабки. Она умирая благословила ихъ, и онѣ закрыли ея глаза.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВОЙНАДЕСЯТЬ.

Бабушка входитъ и съ нею одинъ изъ сосѣдей, котораго держала она за руку. Отецъ Жермень, сказала ему бабушка, узнаешь ли ты, кто изъ восьмерыхъ этотъ плутишка, который перебилъ въ вашемъ курятникѣ яйца и всегда вертитъ головы вашимъ цыплятамъ? — Подождите, любезная сосѣдка, отвѣчалъ Жермень, я едва примѣтилъ его, потому что онъ, увидѣвши меня, когда я бѣжалъ къ курятнику, тотчасъ перескочилъ черезъ стѣну, которая раздѣляетъ мой дворъ отъ вашего. . . . Но мнѣ кажется, что виноватый прячется за двери. . . . Кто? Лукьянушка! Такъ, это Лукьянушка! . . . Вотъ прекрасный

поступокъ! воровать яйца и быть до того нечувствительну, чтобъ играть жизнію бѣдныхъ цыплятъ, которымъ также не хочется умирать, какъ и намъ. Я накажу виноватаго. Прошу взять изъ моего курятника столько яицъ, сколько у васъ украдено; а виноватому не велю давать цѣлые три дни ничего, кромѣ хлѣба да воды.—Любезная сосѣдка, вашъ внучикъ, кажется, уже разкаевается въ своемъ простункѣ; простите ему. —О! нѣтъ, я не прощу этаго робенка; онъ всегда находитъ свою забаву въ обидахъ, безпрестанно бьетъ собакъ, рветъ за уши кошекъ; первое его удовольствіе драться съ

своими братьями. Я его накажу; и онъ еще щастливъ, что такъ мало платитъ за свою вину. Что? естьли бы съ нимъ случилось то же, что съ однимъ..... Останься, сосѣдушка! ты услышишь эту исторiю, отъ которой волосы дыбомъ станутъ: такъ она страшна! Угодно ли остаться? — Съ охотою, любезная сосѣдка! — Ну, дѣти! слушайте и вы всѣ.

БЕРНИКЕТЪ,

или

ДВА ДУХА,

СКАЗКА.

Нѣкогда жилъ большой повѣса и былъ такъ золъ, такъ золъ, что его отецъ и мать не знали, что съ нимъ дѣлать. Берникетъ, такъ его звали, съ величайшею глупостію соединялъ нравъ жестокой, даже звѣрской, которой на него привлекалъ тѣмъ большую ненависть. Онъ обкрадывалъ своего отца и своихъ сосѣдей; дѣлалъ въ землѣ ямки и зарывалъ въ нихъ живую курицу, оставляя снаружи одну шею и голову. Ему былъ пріятенъ крикъ этой бѣдной птицы; потомъ бралъ косу и отсѣ-

калъ голову нещастной жертвы своего бѣшенства. Онъ вертѣлъ головы канарейкамъ своей матери, убивалъ ея любимыхъ кошекъ и до крови кололъ ея собачекъ; однимъ словомъ, это былъ злой звѣрь, въ самомъ пространномъ значеніи сего слова.

Берникетовъ отецъ, не могши долѣе переносить его шалостей, и видя, что онъ никогда не перемѣнитъ своего злаго характера, далъ ему однажды мѣшокъ съ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами и сказалъ ему: сынъ! нѣтъ тебѣ мѣста въ моемъ домѣ; ступай, куда глаза глядятъ, только какъ можно да-

лѣе, чтобъ я ничего о тебѣ не слыхалъ.

Берникетъ сталъ было кричать: но отецъ вытолкалъ его со двора и заперъ за нимъ ворота. Злой сынъ увидѣвши, что онъ одинъ въ изгнаніи, началъ плакать, какъ тюлень: однако скоро пересталъ, и не зная, куда итти, онъ пустился въ путь по первой встрѣтившейся дорогѣ. Около полудня сѣлъ на камнѣ и сталъ ѣсть хлѣбъ съ сыромъ, проклиная отца и всю природу. Когда съѣмъ все, что у меня есть въ мѣшкѣ, тогда кто мнѣ дастъ хлѣба? — Твои труды! — отвѣчалъ ему тихой голосъ.

Берникетъ оглядывается, и не видя никого вокругъ себя, по-

шворилъ съ восклицаніемъ: мои труды! — Вотъ прекрасная помощь! Кромѣ зла я ничего не умѣю дѣлать. — Это-то и нужно, чтобы сдѣлаться щастливымъ, перервалъ голосъ. — Какъ, продолжалъ Берникетъ, надобно дѣлать зло, чтобы успѣть въ свѣтѣ? Кто можетъ дать мнѣ такой дурной совѣтъ? — Тотъ, кто сжалился надъ твоимъ состояніемъ и хочетъ служить тебѣ. — Но гдѣ ты, учитель мой? — Я покажусь, естьли ты увѣришь меня, что не испугаешься при моемъ видѣ. — Вотъ какой вздоръ, — испугаться тебя! Я не боюсь ничего въ свѣтѣ. — Когда такъ, то смотри на меня.

Послѣ сихъ словъ вдругъ является привидѣніе, похожее на обезьяну, желтое, синее, красное и шерстистое. Меня зовутъ Филурдисомъ, говоритъ обезьяна; я сдѣлаю тебя щастливымъ, естьли хочешь меня слушать и слѣдовать моимъ совѣтамъ. — Очень хорошо, Г. Филурдисъ! я готовъ слушать тебя. — Посмотримъ, что ты велишь сдѣлать! Прежде всего скажи мнѣ, согласенъ ли ты со мною, что въ свѣтѣ щастливы одни злодѣи? — О! согласенъ и тѣмъ болѣе, что ты такъ думаешь... — Такъ, это одно средство, другъ мой. Ты кралъ у отца птицъ съ задняго двора; все равно, украдешь ли деньги или кури-

цу. И такъ ступай въ это помѣстье, которое тамъ видишь. Господинъ этой деревни дастъ тебѣ ночлегъ, и я тотчасъ явлюсь, чтобы сдѣлать тебя владѣтелемъ его сокровищъ. Я знаю, гдѣ его кладовая. Прощай!

Тутъ вдругъ изчезъ Филурдисъ. Берникетъ сперва обрадовался его совѣту и пошелъ прямо къ назначенному помѣстью; однако на половинѣ дороги задумался и сѣлъ подъ деревомъ. Мой другъ Филурдисъ думаетъ, что къ щастію ведетъ зло. Но справедливо ли это? — Нѣтъ, отвѣчаетъ ему кроткой и громкой голосъ.

Берникетъ смотритъ вокругъ себя, не видитъ никого и продолжаетъ свое размышленіе: кто же мнѣ дастъ хлѣба?— Трудъ и добродѣтель, отвѣчаетъ голосъ. — О! сказалъ Берникетъ, это ужъ не Филурдисовъ голосъ. Его былъ пронзителенъ, подобно звуку колокола. — Эй! кто со мною говоритъ? — Ты увидишь его, естьли обѣщаешься слушать и послѣдовать его добрымъ совѣтамъ. — Хорошо, покажись. —

Тутъ вдругъ Берникетъ увидѣлъ передъ собою молодаго, прекраснаго человѣка, въ глазахъ котораго блисталъ огонь, какого онъ никогда не видалъ, а на головѣ лазуревой пламень.

Послушай, мой другъ! говорилъ этотъ молодой человѣкъ, ты имѣешь очень много пороковъ и превзошелъ терпѣніе своего отца; но ты еще можешь загладить добродѣтелію свои преступленія. Будь тихъ, сострадателенъ, услужливъ и трудолюбивъ. Такимъ образомъ заставишь себя любить, уважать, и щастіе распрострetъ надъ твоею старостію свой лазуревой покровъ. — Я очень желаю этаго, но что мнѣ должно сдѣлать? — Владѣтель этаго помѣстья имѣетъ нужду въ работникѣ. Поди къ нему; онъ человѣкъ добрый, приметъ тебя хорошо и станетъ держать, естьли ты будешь добръ, тихъ, а особливо

вѣренъ. Исполни этотъ совѣтъ, и никогда не раскаешься, что послушалъ Генія Аріеля.

Геній изчезъ и Берникетъ встаетъ, рѣшившись слѣдовать Аріелеву совѣту, который казался ему гораздо лучше, нежели Филурдисовъ. Подходитъ къ помѣстью и стучитъ у воротъ токъ, токъ, токъ. Кто тамъ? — Молодой человѣкъ, который ищетъ работы. — Очень хорошо, мнѣ нуженъ такой человѣкъ. Войди, мой другъ, работай усердно, будь услужливъ, будь честенъ. Я накормлю тебя, напою, и за труды заплачу.

Такимъ образомъ Берникетъ бывъ пристроенъ, радовался, что послушался Аріелева со-

вѣта. Однажды послѣ ужина легъ онъ на постель и говорилъ самому себѣ: — мой хозяинъ доброй человѣкъ. Духъ правду мнѣ сказалъ. Я рѣшился исполнить его совѣтъ и получить хлѣбъ честными трудами. — Глупой человѣкъ! отвѣчалъ ему голосъ, по которому онъ узналъ Филурдиса, что принесли тебѣ труды? — Подумай, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ поту, едва принесутъ нѣсколько гривенъ, между тѣмъ какъ могъ бы въ одну ночь обогатиться! Не видѣлъ ли ты, что земля двигалась подъ третьею яблонью на лѣвой сторонѣ? Въ этомъ мѣстѣ скрыто сокровище. Вставай и возьми его.

Голосъ замолчалъ и Берникетъ долгое время не знаетъ, на что рѣшиться. Наконецъ встаетъ и идетъ въ садъ прямо къ яблони. Тутъ шепнулъ ему на ухо голосъ: Берникетъ! ты погибъ, естьли обокрадешь своего благодѣтеля.

Берникетъ не слушаетъ его словъ; роетъ землю, находитъ безчисленное сокровище и уходитъ изъ саду черезъ стѣну. Вдругъ пламя обнимаетъ весь домъ и все помѣстье. Филурдисъ бѣжитъ къ нему съ вѣстію, что этотъ прекрасный фейерверкъ онъ сдѣлалъ. Берникетъ съ сжатымъ сердцемъ, какъ сжимается оно у преступника, бѣжитъ въ темной густой лѣсъ и думаетъ, что

дѣлать съ украденнымъ золотомъ. Тутъ молодая дѣвица съ растрепанными волосами бросается къ его ногамъ и говоритъ: я дочь нещастнаго помѣщика, у котораго ты проводилъ ночь. Пожаръ лишилъ насъ всего имѣнія, и къ довершенію нашего нещастія украли всѣ наши деньги, плодъ бережливости моего отца. Ахъ! естьли вы знаете вора, то не скройте виновнаго: вы спасете мою жизнь и всего нещастнаго семейства.

Берникетъ смотритъ на печальную дѣвицу и слышитъ, что шепчетъ ему на правое ухо добрый красивый Геній: Берникетъ! возврати деньги

и заслужи прощеніе раскаяніемъ.

Но Филурдисъ свиститъ ему въ лѣвое ухо: убѣй эту дѣвицу, Берникетъ! Она можетъ тебя соблазнить и вовсе погубить.

Съ одной стороны: возврати деньги; съ другой: убѣй дочь своего благодѣтеля, — два совершенно противные совѣта, — которому изъ нихъ послѣдуетъ Берникетъ? — Ахъ! дѣти! безразсудный избралъ совѣтъ Филурдисовъ, взялъ бѣдную дѣвицу за волосы и размозжилъ ей голову объ камень.

Вы трепещете, дѣти! вы, думаю, говорите: вотъ злое чудовище! . . . Но кто былъ

жестокъ въ молодости, тотъ рѣдко бываетъ сострадателенъ и въ старости.

Берникетъ послѣ сего злодѣянія слышитъ, что одинъ изъ его учителей, то есть Филурдисъ хохочетъ, а другой стонетъ и плачетъ. Берникетъ оставляетъ дѣвицу на мѣстѣ, а самъ идетъ далѣе въ лѣсъ, и слышитъ надъ головою своею голосъ птицы, которая говорила ему: Берникетъ къ Сансонету, къ Сансонету!

Что это значитъ! — Черезъ минуту другая птица повторяетъ: Берникетъ, къ Сансонету! — Но Берникетъ не понимая смысла словъ, идетъ все впередъ. Стало разсвѣтать. Тутъ встрѣтился ему дрях-

лый старикЪ, котораго вела дѣвушка прекрасная, какЪ АмурЪ, и просила милостыни отцу своему. Гдѣ я теперь, прекрасная дѣвица! спрашиваетЪ у ней БерникетЪ. АхЪ! государь мой! естьли ты заблудился вЪ этомЪ лѣсу; то поспѣши выттти изЪ него, потому что всѣ заблудившіеся здѣсь путешественники были жертвою ужаснаго волшебника, который имѣетЪ видЪ Сансонета, но величины и толщины необыкновенной. ЭтотЪ злой СансонетЪ тебя съѣстЪ, естьли ты ему попадешься. — ВздорЪ, отвѣчалЪ БерникетЪ сЪ улыбкой, я не боюсь птицы; а естьли СансонетЪ захочетЪ меня обидѣть: то я сверну

ему голову. Послѣ сихъ словъ Берникетъ посмотрѣлъ на пригожую дѣвицу, которой красота ослѣпила его. Вдругъ съ правой стороны говоритъ ему на ухо прекрасный духъ: подай милостыню симъ бѣднымъ и отпусти ихъ.

Но съ лѣвой шепчетъ Филурдисъ: женись сей же часъ на этой дѣвицѣ; и естьли на это не согласится отецъ, то убѣй его.

Берникетъ послѣдовалъ послѣднему совѣту. Онъ хочетъ жениться на крекрасной дѣвицѣ; но она противится ему. Престарѣлый отецъ старается равнымъ образомъ отвратить его предпріятіе. Берникетъ убилъ отца на мѣстѣ и

привязавши къ дереву осиротѣвшую дочь, женился на ней.

Женившись, онъ ее оставилъ и пошелъ далѣе. Тогда всѣ птицы поднялись и кричали ему со всѣхъ сторонъ: Берникетъ къ Сансонету! Берникетъ къ Сансонету! . . . А! я понимаю, что около двухъ часовъ твердятъ мнѣ злыя птицы, то есть: онѣ думаютъ, что Сансонетъ, который живетъ въ этомъ лѣсу, меня съѣстъ. Такъ! онъ сдѣлаетъ изъ меня завтракъ! . . . . Но вы обманулись, проклятыя! Я смѣюсь надъ вашимъ Сансонетомъ также, какъ и надъ вами, и желалъ бы видѣть это чудовище, чтобъ поправить ему бока.

Вѣ это время на поворотѣ дороги изѣ лѣсу увидѣлѣ Берникетѣ прекрасный гротѣ, который, казалось, служилѣ входомѣ вѣ глубокое подземелье. Какѣ онѣ очень усталѣ; то вошелѣ вѣ гротѣ и сѣлѣ на камнѣ. Вдругѣ ему говоритѣ добрый духѣ: бѣги отсюда. Филурдисѣ напротивѣ шепчетѣ: взлѣзь на эту скалу, и когда кого нибудь увидишь, то брось вѣ него оттуда большой камень.

Берникетѣ взошелѣ на гротѣ и увидѣлѣ, что идутѣ три или четыре путешественника, кои ведутѣ подѣ руки обезчещенную имѣ дѣвицу, которую безѣ сомнѣнія отвязали они отѣ дерева. Я думаю, сказала дѣ-

вица, что чудовище скрылось въ этотъ гротъ. — Мы найдемъ его, говорятъ они, и отдадимъ подъ судъ.

Берникетъ испугался, видя столько людей, которые хотятъ его наказать за злодѣяніе; однакожъ лишь только взошли они въ гротъ, какъ онъ схватилъ большой камень, который указалъ ему Филурдисъ, и бросилъ; гротъ обрушился и погребъ подъ своими развалинами и путешественниковъ и нещастную дѣвицу.

Тогда закричали наперерывъ всѣ птицы, и эхо повторяло со всѣхъ сторонъ: Берникетъ къ Сансонету! Берникетъ къ Сансонету!,... Нѣтъ, отвѣчалъ Берникетъ, я не для него,

какъ вы думаете; и естьли онъ покажется, то размозжу его, какъ этихъ путешественниковъ, которые искали моей погибели.

Берникетъ пошелъ далѣе лѣсомъ, и такъ какъ наступала уже ночь, онъ почувствовалъ нѣкоторый страхъ. Наконецъ пришелъ къ озеру, и почерпнувши воды хотѣлъ напиться; но всѣ змѣи и лягушки, живтія въ немъ, подняли головы и закричали: ты пролилъ невинную кровь; ты не найдешь ни капли воды для утоленія своей жажды.

Вдругъ вся вода высохла и Берникетъ увидѣлъ передъ собою дерево, на которомъ были яблоки величиною съ голову,

хотѣлъ сорвать яблоко, чтобъ прохладить пересохшія губы; но соловей, сидѣвшій на сучкѣ, сказалъ: ты воръ, ты убійца, ты не найдешь для себя ни зерна. Всѣ яблоки изчезли, и эхо еще повторило: Берникетъ къ Сансонету!

Берникетъ разсердился и призвалъ Филурдиса; Филурдисъ является: я не могу болѣе ничего дѣлать для тебя, отвѣчала гнусная обезьяна. Знай, что я злой духъ. Ты имѣлъ слабость слушаться моихъ совѣтовъ; теперь насталъ часъ, и ты долженъ понесть наказаніе: Берникетъ къ Сансонету!

Филурдисъ изчезъ въ воздухѣ, какъ дымъ, и Берникетъ

вѣ отчаяніи призываетѣ прекраснаго Генія Аріеля. Аріель является болѣе блистательнымѣ, нежели вѣ первой разѣ. Теперь не вѣ моей уже волѣ, сказалѣ ему Аріель, удержать мечь, висящій надѣ твоею головою. Ты видишь во мнѣ добраго духа; я старался отвести тебя отѣ ужасныхѣ злодѣяній, которыми осквернилѣ ты свои руки. Привидѣніе дало тебѣ, какѣ даетѣ всѣмѣ людямѣ, двухѣ учителей: одинѣ велѣ тебя кѣ добру, другой отвращалѣ кѣ злымѣ дѣламѣ. Ты послушался послѣдняго. Прощай! Небо призываетѣ меня кѣ другому младенцу, который вѣ сію минуту родится. Можетѣ быть сіе дитя,

которому назначено жить долго, будетъ лучше тебя цѣнить мои совѣты. Насталъ твой часъ; я оставляю тебя: Берникетъ къ Сансонету!

Прекрасный Геній затмился, какъ угасающая свѣча. Преступный Берникетъ услышалъ великой трескъ, который походилъ на сильной громовой ударъ. Являются всѣ тѣни тѣхъ нещастныхъ, которыхъ онъ убилъ. Они были бѣлы, какъ снѣгъ, и прозрачны, какъ тонкой флеръ. Каждая, проходя мимо его, говорила глухимъ и плачевнымъ голосомъ: Берникетъ къ Сансонету!

Послѣ сего увидѣлъ злодѣй птицу вышиною въ двадцать

футовъ, которая совершенно походила на Сансонета.

Берникетъ въ неистовствѣ хотѣлъ противиться сему колосу. Ужасный Сансонетъ приковалъ ему руки и ноги къ скалѣ раскаленными гвоздями и ѣлъ его цѣлые четыре дня: въ первой сердце, въ другой легкое, въ третій внутренности, въ четвертый глаза, языкъ и все тѣло. Посудите, дѣти мои! что терпѣлъ злой Берникетъ! Но онъ это заслужилъ; онъ обокралъ добраго помѣщика, сожегъ его домъ, удавилъ дочь, убилъ старика, обезчестилъ еще другую дѣвицу, которую послѣ задавилъ вмѣстѣ съ ея избавителями. Не былъ ли онъ достоинъ вся-

кой казни? — Его злодѣянія начались тѣмъ, что убивалъ домашнихъ животныхъ и обкрадывалъ отца и своихъ сосѣдей. Это доказываетъ, что худыя склонности въ дѣтяхъ часто бываютъ злымъ семенемъ великихъ пороковъ въ зрѣломъ возрастѣ. —

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙНАДЕСЯТЬ.

Однажды приходитъ къ намъ бабушка и говоритъ: я получила теперь, любезныя дѣти! письмо изъ Парижа, которое, я не хочу утаить отъ васъ этаго, — слишкомъ безпокоитъ меня въ разсужденіи вашей матери. Медики пишутъ, что она чрезвычайно больна и нѣтъ никакой надежды, чтобъ она выздоровѣла. Вы плачете, любезныя малютки? О! какова же должна быть моя горесть? Я лишаюсь дочери, единственной дочери.... Что касается до васъ, то вы всегда найдете во мнѣ свою мать. — Ахъ! бабушка! вскричалъ маленькой Лили, не найдете ли и вы въ насъ дѣтей? — Такъ, милыя дѣти! — Но я очень горячо

любила вашу маминьку. Однако перестаньте плакать; маминькѣ еще только тридцать лѣтъ; а это такія лѣта, въ которыя вылѣчиваютъ самыя трудныя болѣзни. Но вы не слушаете моего утѣшенія и не перестаете плакать. Какъ пріятна мнѣ такая дѣтская нѣжность? Это есть первая изъ добродѣтелей; на ней основываются всѣ другія. Кто любитъ своихъ родителей, тотъ безъ сомнѣнія будетъ такихъ же чувствъ къ своимъ братьямъ, къ своей женѣ, дѣтямъ и всѣмъ соотечественникамъ. — Перестаньте же плакать, любезныя дѣти! приготовьтесь слушать повѣсть, которую хочу я вамъ сказать. Она прилична нашему положенію.

ДѢВИЦА СЪ ГРЕМУШКАМИ,

или

УСЫПИТЕЛЬНАЯ БАШНЯ.

СКАЗКА.

Въ нѣкоторое время былъ добрый и любезный человѣкъ, который имѣлъ нещастіе овдовѣть, и все утѣшеніе свое находилъ въ воспитываніи своей дочери, напоминавшей ему своими прелестями покойную жену. Этотъ человѣкъ назывался Эмаромъ, жилъ спокойно съ своею матерью, старушкою почти моихъ лѣтъ. Любя другъ друга, они оба любили малютку. Эмарова дочь называлась прекрасною Померанценою, потому что имѣла пріятность и красоту померанца. Прекрасная Померанцена росла и бо-

гатѣла прелестями, дарованіями и добрыми чувствами. Однажды пріѣзжаетъ къ нимъ прекрасно одѣтая дама, и проситъ Эмара поговорить съ нимъ наединѣ. Эмаръ пошелъ съ дамою въ кабинетъ, и такъ долго не выходилъ, что добрая старушка и прекрасная Померанцена начали объ немъ безпокоиться. Прошло еще нѣсколько времени, а Эмаръ все нейдетъ; тогда мать его отперла кабинетъ; но вошедши въ него, крайне изумилась, не видя ни своего сына, ни дамы. Что сдѣлалось съ ними? Старушка не спускала глазъ съ дверей кабинета, не видала, чтобъ они вышли, и однако нѣтъ ихъ. Окошко все было отворе-

но, . . . Не уже ли они сюда вышли? — Это не возможно! какое нибудь непроницаемое таинство закрываетъ отъ насъ это происшествіе. Прекрасная Померанцена ищетъ съ бабушкой по всему дому своего отца; спрашиваютъ объ немъ у своихъ людей; но никто не видалъ ни Эмара, ни дамы. . . . Проходитъ вечеръ и ночь, проходитъ еще день: — объ Эмарѣ нѣтъ и слуха. Судите о горести, въ которой находились его мать и нѣжная дочь! По прошествіи нѣсколькихъ дней вышли сіи двѣ сироты на берегъ одного ручья, и тамъ вмѣстѣ горевали, одна о сынѣ, другая объ отцѣ; и когда первая вскричала, что отдала бы

тому все имѣніе, кто бы увѣдомилъ ее объ участи сына: то щука высунула изъ воды голову и сказала: я не хочу твоего имѣнія, старушка! поклянись только, что ни ты, ни твои родственники никогда не будете ѣсть щукъ: то я скажу, что дѣлается съ твоимъ сыномъ.

Прекрасная Померанцена и бабушка наперерывъ повторяли свои клятвы, и щука сказала имъ слѣдующее: вы знаете, что добрый Эмаръ еще не старъ, пригожъ и статенъ. Волшебница Русса, которая превышаетъ въ злобѣ всѣхъ своихъ подругъ, увидѣвши его, влюбилась. Это она пріѣзжала къ вамъ за пять дней передъ

этимъ и требовала у него, чтобы онъ удовлетворилъ ея любви, но получивъ отказъ, увезла его въ окно въ невидимой колясkѣ, запряженной двумя скорпіонами. — Боже мой! куда же увезла его эта злая женщина? — Въ свой замокъ и держитъ его, какъ плѣнника. — Отецъ Небесный! — Побѣжимъ къ нему, бабушка! — Замокъ неприступенъ для всѣхъ, кромѣ прекрасной Померанцены: такъ опредѣлилъ рокъ. — Волшебница Русса знаетъ, что эта молодая дѣвица можетъ похитить у нее своего отца, почему окружила замокъ всякими волшебными привидѣніями, и хочетъ сдѣлать тщетными всѣ покушенія прекра-

сной Померанцены. Эмаръ заперть въ башнѣ, которую называютъ усыпительною, потому что всякой, кто ни приближится къ ней, засыпаетъ отъ одного взгляда на нее. Очень много бодрости нужно, чтобъ пройти въ эту башню. Нужна также неустрашимость прекрасной Померанценѣ, естьли она хочетъ освободить отца своего. Замокъ находится отсюда въ двухъ миляхъ въ глубинѣ туманной долины. Я обязана была сообщить вамъ сіи свѣдѣнія. Теперь прощайте!

Послѣ сихъ словъ щука скрылась опять въ воду. Эмарова мать пришла въ ужасъ, слыша, что ея сынъ сдѣлался плѣнникомъ злобнѣйшей вол-

шебницы. Прекрасная Померанцена напротивъ гордится щастіемъ, которое ей одной принадлежитъ, освободить отца, и въ то же время хочетъ итти насладиться имъ. Тщетно говоритъ ей бабушка о подобномъ предпріятіи, тщетно описываетъ горе, которому ей подвергнуться должно, оставшись одной, и не видя подлѣ себя ни своего сына, ни любезной внучки. Нѣжная и неустрашимая, прекрасная Померанцена успокоиваетъ ее, обѣщается каждой день прежде солнечнаго захожденія приходить, давать ей отчетъ въ успѣхахъ своего предпріятія, и обнявши добрую бабушку, пошла съ посохомъ въ рукѣ, спра-

шиваетъ всякаго прохожаго о дорогѣ къ туманной долинѣ, и всѣ отворачиваясь отъ нея говорили: не ходи туда, любезная дѣвушка! Одинъ добрый крестьянинъ показалъ ей дорогу и она пошла по тропинкѣ, которая должна была привесть ее къ волшебной долинѣ.

Солнце показывало полдень, какъ прекрасная Померанцена увидѣла передъ собою старуху, которая несла большое беремя дровъ и едва не падала подъ тяжестію. Она сжалившись надъ сею женщиною, сказала ей: добрая старушка! эта ноша очень тяжела; далеко ли тебѣ нести ее? — Нѣтъ, отвѣчала она, указывая пальцемъ на уединенную хижи-

ну. Вотъ мой домикъ! Помоги мнѣ, добрая дѣвица! я буду тебѣ благодарна.

Прекрасная Померанцена раздѣлила съ старухою ношу, и принесла свою половину къ ея домику; однако такъ устала, что едва могла на ногахъ стоять, и попросила воды. — Съ удовольствіемъ, отвѣчала старуха, поди за мной.

Она повела прекрасную Померанцену въ небольшую заднюю комнату; но какое удивленіе! эта комната принадлежала къ великолѣпному замку, котораго маленькая путешественница не примѣтила. Вдругъ хижина разсыпалась позади ея. Прелестная Померанцена очутилась въ прекрасной

залѣ, украшенной мобелью и большими зеркалами. Является молодой человѣкъ и говоритъ ей: извини, прекрасная дѣвица! хитрость, которую употребилъ я, чтобы тебя привлечь въ свой замокъ. Я духъ, тебя обожающій и горящій страстью быть твоимъ супругомъ!

Прекрасная Померанцена больше испугалась, нежели чувствовала его нѣжныя изъясненія, и отвѣчала духу, что ей должно думать о другомъ; что освобожденіе отца есть одно дѣло, которымъ ей должно заниматься. Духъ пошутилъ надъ этимъ предпріятіемъ, которое почиталъ напраснымъ; сдѣлалъ прекрасный обѣдъ, въ

продолженіи котораго играла очаровательная музыка. Все было прекрасно, но не могло тронуть Померанцены. Видя наступленіе ночи, она вспомнила свое обѣщаніе, которое дала бабушкѣ, и просила духа, чтобы отпустилъ ее. Онъ не принималъ ея предложенія, началъ осыпать учтивостьми и повторять о своей страсти, но съ такимъ притворнымъ и измѣнническимъ видомъ, что прекрасная Померанцена въ самомъ дѣлѣ начала опасаться и вскричала: ахъ! родитель мой! бѣдный родитель мой! родитель!

Въ книгѣ Судьбы написано было, что всѣ волшебства изчезнуть, когда прекрасная По-

меранцена три раза произнесетъ имя отца своего. — И волшебство духа не могло перенесть сего дѣтскаго призыванія. Замокъ, молодой человѣкъ, все изчезло, и прекрасная Померанцена очутилась на тойже равнинѣ, гдѣ ей поутру встрѣтилась вѣроломная старуха. Прекрасная Померанцена разсказала своей бабушкѣ сіе приключеніе, которое онѣ обѣ почли очарованіемъ волшебницы Руссы, которымъ хотѣла она остановить нѣжную дочь.

На другой день поутру прекрасная Померанцена пошла опять въ томъ же платьѣ, обѣщаясь не останавливаться ни съ кѣмъ. Еще не было полудня, какъ она пришла къ туманной

долинѣ, покрытой такими густыми парами, что ничего не видно было передъ ногами. Этотъ туманъ также былъ не иное что, какъ очарованіе, которымъ Русса хотѣла закрыть отъ прекрасной Померанцены усыпительную башню, гдѣ сидѣлъ прекрасный плѣнникъ. Прекрасная Померанцена тотчасъ почувствовала дѣйствіе сей волшебной башни. Она видѣла, что многіе любопытные близко подходили къ башнѣ и зѣвали, потягивались, терли глаза, потомъ снова зѣвали и падали, не могши противиться силѣ сна. — Что будетъ со мною, естьли я усну также, какъ эти люди, говорила самой себѣ прекрасная Померанце-

на? — Я не увижу тогда любезнаго папиньки, и можетъ быть злая волшебница похититъ меня. Должно принять мѣры противъ сна; естьли будетъ одолѣвать меня, — я пойду домой.

Прекрасная Померанцена возвратилась къ своей бабушкѣ, которой было очень пріятно видѣть, что она такъ хорошо сдержала данное обѣщаніе, каждой день приходить къ ней. На другой день прекрасная Померанцена обвѣшиваетъ множествомъ гремушекъ свои башмаки, свое платье и руки. Она хотѣла ими отвратить дѣйствіе усыпительной башни. Сверьхъ сего взяла двѣ палочки, чтобы бить ими одну объ

другую и тѣмъ увеличивать шумъ гремушекъ. Обнявши свою бабушку, пошла она съ такимъ нарядомъ, и въ короткое время была уже подлѣ волшебной долины. Всякой, проходя мимо прекрасной Померанцены, говорилъ ей: посмотрите, какъ обвѣшалась гремушками эта дѣвушка! это Момусъ, это глупость! Въ домахъ раздавался крикъ: посмотрите, посмотрите на дѣвушку, съ гремушками! посмотрите!

Пришедши въ туманную долину, прекрасная Померанцена такъ сильно загремѣла гремушками и била въ палки: тикъ, тикъ, тикъ, тикъ тикъ тикъ — и не задремавши подошла къ самой подошвѣ усыпительной

башни, въ которой стеналъ нещастный ея отецъ. Башня была изъ минеральнаго хрусталя, такъ что видно было все, что ни происходило во внутренности ея. Продолжая бить палками: тикъ, тикъ, такъ, она увидѣла въ верхнихъ покояхъ башни добродушнаго Эмара, который утиралъ съ глазъ слезы. Онъ призывалъ, казалось, свою дочь, свою мать и всѣхъ, которые были ему любезны. Между тѣмъ входитъ къ нему злая волшебница Русса, показываетъ драгоцѣнные камни, золото и прутикъ. Безъ сомнѣнія она давала ему волшебство. Потомъ ведетъ его къ великолѣпной кровати, увѣшанной крупнымъ жемчугомъ и, каза-

лось, говорила ему и требовала удовлетворенія своей страсти. Добрый Эмаръ ставитъ противъ нее руки и, кажется, говоритъ: нѣтъ! я не соглашусь на это: пусти меня; а злая волшебница показываетъ ему дочь, которая стояла на низу; вѣроятно говорила она ему, что хочетъ погубить сего ребенка.

Добродушный Эмаръ бѣжитъ къ хрустальной стѣнѣ и говоритъ знаками своей дочери, которую наконецъ онъ увидѣлъ, чтобы поспѣшила удалиться, не подвергла бы себя бѣшенству феи и оставила бы его одного ея мщенію.

Все это, любезныя дѣти! можно говорить и понимать

только посредствомъ знаковъ, потому что башня очень высока, и на землѣ ничего не льзя слышать, что говорятъ въ ней. Нѣжная Померанцена бросается на колѣна передъ своимъ отцемъ, кладетъ руку на сердце и клянется, что ей лучше самой погибнуть, нежели лишиться удовольствія освободить его. Какая трогательная картина родительской и дѣтской нѣжности! Мнѣ кажется, что они и теперь передо мною, и я не могу удержаться отъ слезъ.

Между тѣмъ наступаетъ ночь, и прекрасная Померанцена идетъ домой, пославши тысячу поцѣлуевъ отцу, который отвѣчалъ ей подобными знака-

ми. Прекрасная Померанцена чувствуетъ, что сонъ начинаетъ овладѣвать ею. Она начинаетъ стучать гремушками и бить въ палочки: тикъ, тикъ тикъ, тикъ, тикъ, такъ. Выходитъ изъ опасной туманной долины, и возвращается къ своей бабушкѣ съ извѣстіемъ, которое и удивило ее и было очень пріятно.

На четвертой день прекрасная Померанцена опять предпринимаетъ путешествіе къ усыпительной башнѣ; но на пути встрѣчается ей приключеніе, котораго не льзя пропустить безъ вниманія. Мальчикъ въ ея лѣта и прекрасный, какъ Амуръ, игралъ ходя по краю колодезя. Бѣдный ребенокъ упалъ

въ колодезь. Тутъ прекрасная Померанцена побѣжала къ роковому колодезю, чтобы вытащить его посредствомъ опускаемой въ колодезь кади. Когда мальчикъ былъ вытащенъ изъ воды, то открылъ прекрасные голубые глаза, посмотрѣлъ на свою избавительницу, и такъ благодарилъ ее, что прекрасная Померанцена, тронутая до слезъ, предложила проводить его къ матери, потому, что онъ былъ очень слабъ. Молодой Цвѣтокъ Любви, такъ назывался онъ, принялъ сіе предложеніе и на дорогѣ сказалъ, что его мать волшебница, и что она будетъ благодарна за сохраненіе жизни ея сыну.

Прекрасная Померанцена провожала его не для награды, но по какой-то склонности къ своему другу, такъ называла она его,— склонности, которой она сама не знаетъ, и которая ему казалась очень пріятна. Мальчикъ стучится у воротъ прекраснаго дома; выходитъ дама такого пріятнаго вида, какъ медовыя соты. Цвѣтокъ Любви разсказалъ ей о благодѣяніи, которое оказала ему прекрасная Померанцена. Тронутая фея обняла дѣвушку съ гремушками. Я знаю, говорила она, кто ты; то особенно знаю, что лучшее доказательство моей признательности будетъ возвратить отца: но это не въ полной мо-

ей власти. Мы уважаемъ одна другую, и я не могу разрушить злодѣянія волшебницы Руссы, не поссорившись со своими подругами. Могу только доставить средство тебѣ говорить съ добродушнымъ Эмаромъ. Во что превратить тебя? — Ахъ! милостивая государыня! преврати меня въ птичку; я полетѣла бы ближе къ папиньки, или по крайней мѣрѣ лучше бы увидѣла его. — Въ птичку? — Очень хорошо! будь ласточкой и возвращаясь прилетай ко мнѣ, я буду возвращать тебѣ прежній видъ.

Не успѣла фея выговорить, какъ прекрасная Померанцена превратилась въ ласточку съ золотыми перышками на голо-

вѣ и съ пламеннымъ сердечкомъ на груди, въ знакъ дѣвической нѣжности, какою сгорало ея сердце. Ласточка прилетѣвши къ усыпительной башнѣ, порхала надъ маленькимъ окошкомъ хрустальной стѣны въ той комнатѣ, гдѣ былъ запертъ ея отецъ. Тутъ вскричалъ нѣжный Эмаръ: Боже мой! увижу ли я еще любезную дочь? — Я здѣсь, папинька! не плачьте, я здѣсь! — Кто зоветъ меня? — Ласточка; посмотрите, это ваша дочь. — Любезная дочь! Ахъ! видно злая Русса превратила тебя въ птицу? — Нѣтъ, папинька! это сдѣлала моя благодѣтельница, чтобы доставить мнѣ щастіе ближе видѣть васъ.

Отецъ подходитъ къ окошку. Ласточка протянула къ нему носикъ. Добродушный Эмаръ осыпаетъ ее поцѣлуями. Они вступаютъ въ самые нѣжные разговоры. Одна наступающая ночь могла заставить ласточку летѣть отъ столь милой стѣны. Прекрасная Померанцена возвращается къ матери Цвѣта Любви, принимаетъ прежнiй видъ; а отъ ней къ своей бабушкѣ, которая поблѣднѣла, услышавши всѣ ея приключенiя.

Нѣсколько дней сряду прекрасная Померанцена разговаривала съ отцемъ своимъ въ видѣ ласточки, въ которую превращала ее волшебница. Прекрасная Померанцена любила

Цвѣтокъ Любви, а этотъ добрый мальчикъ любилъ ее, какъ сестру, такъ что для прекрасной Померанцены было очень пріятное перепутье, когда она путешествовала къ усыпительной башнѣ. Однажды ласточка разговаривала съ своимъ отцемъ, какъ вошла къ нему злая волшебница Русса; увидѣвъ прекрасную Померанцену, побѣжала она къ окошку и кричала: Га! дѣвчонка съ гремушками! ты превратилась въ птицу, чтобы обмануть меня; но ты заплатишь жизнію за свою дерзость!

Злобная волшебница бросаетъ камнями въ бѣдную ласточку, которая употребила всѣ силы улетѣть отъ нее. Эмаръ оста-

навливаетъ руку своей непрiятельницы и заклинаетъ ее пощадить его кровь. Нѣтъ, говорила ему волшебница, ты долженъ удовлетворить моему требованiю, или я пошлю за нею дракона, который за одинъ разъ ее проглотитъ. Эмаръ противится; драконъ летитъ уже по повелѣнiю волшебницы и преслѣдуетъ робкую ласточку, порхающую съ вѣтки на вѣтку и ожидающую своей погибели. Какое зрѣлище для отца! Онъ соглашается на гнусное предложенiе и приноситъ себя въ жертву для дочери; но удерживается, видя, что крылатый драконъ упалъ мертвъ, какъ тяжелый камень. Въ самомъ дѣлѣ ласточка

вскричала: папинька! любезный папинька! противиться ея требованію. Ахъ! папинька!

Когда она произнесла трижды папинька, то волшебный драконъ изчезъ. Русса въ неистовствѣ шлетъ за ласточкою другаго змѣя. Ласточка три раза назвала своего отца, и змѣй упалъ, не ворохнувшись. Волшебница посылаетъ еще крылатую эхидну съ огненнымъ жаломъ. Но и она изчезла при чудесномъ призываніи отцовскаго имени. Наконецъ летятъ за ласточкой всѣ хищные звѣри, которые были въ повелѣніяхъ Руссы; но ласточка смѣется надъ ихъ бѣшенствомъ. Гнусная волшебница, видя, что всѣ средства ея

мщенія безполезны, взяла ружье, которое берет на пятьдесят миль, заряжает его, прицѣливается къ дереву, на которомъ сидѣла преслѣдуемая ласточка... И уже хотѣла выстрѣлить.... Но ласточка беретъ камень въ двадцать фунтовъ, (прекрасная Померанцена, не смотря на превращеніе, сохранила свою силу) взяла, говорю, этотъ камень, взлетѣла съ нимъ на двѣ тысячи саженъ вверьхъ надъ усыпительною башнею, и пустивши оттуда камень, разбила хрустальныя стѣны, которыя составляли сію волшебную башню. Тутъ вмигъ все изчезаетъ. Добрая фея, мать Цвѣтка Любви, которая видѣла издали

сраженія бѣдной ласточки съ крылатыми чудовищами, подъѣзжаетъ въ своей, золотомъ и алмазами украшенной, коляскѣ; сажаетъ съ собою добраго Эмара, которому безъ ея помощи надлежало катиться до земли съ развалинами усыпительной башни. Она привозитъ его въ свой домъ; за коляскою летѣла нѣжная ласточка и смѣялась надъ отчаяніемъ Руссы, которую заставила она снова строить стеклянную башню.

Цвѣтокъ Любви прыгалъ отъ радости, встрѣчая такихъ любезныхъ гостей; и прекрасная Померанцена получила прежній видъ дѣвицы. Теперь, сказала имъ фея, возбудила я ненависть противъ себя злой волшебни-

цы Руссы; по крайней мѣрѣ не дала я ей погубить любезной дѣвицы, которая спасла жизнь моему сыну. Подождите меня здѣсь въ моемъ домѣ, гдѣ волшебница Русса не можетъ вредить вамъ и въ моемъ отсутствіи. Я иду въ волшебный совѣтъ признаться въ нарушеніи правилъ нашего общества, и просить средствъ предохранить васъ отъ преслѣдованій вашей непріятельницы. Вамъ здѣсь хорошо будетъ. Мой сынъ съ такимъ же почтеніемъ обойдется съ вами, какъ я сама.

Волшебница улетѣла. Въ два дни ея отсутствія Цвѣтокъ Любви старался умножить праздники и удовольствія по-

мощію прутика, который ему оставила мать. Одно только безпокоило прекрасную Померанцену. Она заботилась о своей бабушкѣ, думая, что она считаетъ ее уже мертвою, такъ какъ она не возвращалась къ ней по вечерамъ по прежнему. Въ самомъ дѣлѣ добрая старушка горевала о своей внучкѣ, думая, что ее постигла такая же участь, отъ которой хотѣла она освободить своего отца. Но Цвѣтокъ Любви послалъ за нею дромедара, который привезъ ее на себѣ къ благотворительной феѣ. Старушка, увидѣвши тутъ своего сына и любезную внучку, залилась слезами нѣжности.

По прошествіи двухъ дней возвратилась ихъ благодѣтельница — фея. Добрый Эмаръ, говорила она, успѣхъ моего путешествія превзошелъ мое ожиданіе. Я не надѣялась найти въ совѣтѣ злую волшебницу; но она предупредила меня и жаловалась уже за мое нарушеніе законовъ волшебнаго общества. Я разсказала все дѣло, говорила цѣлую рѣчь, въ которой доказывала, что Небо даровало намъ больше силъ предъ прочими смертными, чтобъ дѣлать имъ добро, а не мучить ихъ; однимъ словомъ: я представила въ совѣтѣ, что волшебница Русса хотѣла наказать молодую дѣвицу за ея дѣтскую нѣжность; и — ког-

да я описала долговременные труды прекрасной Померанцены, ея терпѣніе, твердость и опасности, которымъ подвергалась она, желая видѣть своего отца: то всѣ проливали слезы. Наша престарѣлая предсѣдательница столько пролила слезъ, что изъ нихъ составился цѣлый ручей и лился по лугу. Наконецъ скажу вамъ, что волшебница Русса унижена, обругана, и я принесла вамъ, любезный Эмаръ! маску, на которой изображены всѣ добродѣтели, украшающія вашу душу. Естьли Русса осмѣлится опять преслѣдовать васъ; то надѣньте только эту маску, и вы увидите, что она въ тотъ же мигъ удалится

отъ васъ. Для порочнаго нѣтъ ничего ужаснѣе вида тихой и спокойной истинны. Теперь вы можете возвратиться домой. Позвольте надѣяться, что мой сынъ будетъ супругомъ прекрасной Померанцены, и что въ ожиданіи сей щастливой минуты сіи два ребенка не будутъ оставлять другъ друга, чтобы утвердить раждающуюся въ душѣ ихъ любовь, которая скоро должна быть освящена бракомъ.

Между тѣмъ какъ говорила добрая фея, то приходомъ своимъ умножилъ пріятность тронутой компаніи пріятель ея волшебникъ Кафронъ, по повелѣнію котораго щука увѣдомила прекрасную Померан-

цену объ участіи ея отца. Добродушный Эмаръ не больше трехъ разъ надѣвалъ маску *добродѣтелей*, полученную отъ феи для защищенія отъ гнусной Руссы, которая во всю жизнь не переставала питать къ нему своей страсти. Цвѣтокъ Любви черезъ нѣсколько времени сдѣлался супругомъ прекрасной Померанцены, и она долго берегла свои гремушки и палочки, чтобы глядя на нихъ, воспоминать труды и мученія, которымъ подвергалась она изъ дѣтской нѣжности.

Эта сказка показываетъ вамъ, любезныя дѣти! что отецъ и мать представляютъ на землѣ божеской образъ и

небесное благодѣяніе, и что для сохраненія жизни столь любезныхъ и драгоцѣнныхъ предметовъ ничего не должно щадить, ни самой жизни.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙНАДЕСЯТЬ.

Въ одинъ вечеръ строили мы изъ картъ замокъ, и Богъ знаетъ, какъ веселила насъ эта невинная игра. Но зная рѣзвость брата Лели, мы не давали ему притрогиваться къ слабому нашему зданію. Леля сердится, грозится; а мы смѣемся надъ нимъ. Злой Леля толкнулъ столикъ, на которомъ стоялъ нашъ замокъ, и все упало. Это очень разсердило всѣхъ насъ; мы бросились на него, били его, кто кулаками, кто пинкомъ, однимъ словомъ, всякой старался лучшимъ образомъ отпотчивать его. Наконецъ онъ вырвался, схватилъ карты, кото-

рыми мы играли, и разорвавши ихъ, кричалъ: по крайней мѣрѣ теперь никто не будетъ играть!

Тутъ вошла бабушка. Она увидѣла, что одинъ плачетъ, другой кричитъ, и всѣ наперерывъ обвиняютъ Лелю, который былъ причиною этаго шума. Подозвавши къ себѣ, бабушка побранила его и между прочимъ сказала: естьли бы ты, другъ! былъ не такъ дерзокъ: то твои братья приняли бы тебя въ игру, и ты участвовалъ бы въ ихъ забавахъ; но ты лучше хотѣлъ все разорить, и одинъ помѣшалъ всѣмъ играмъ. — Такъ одинъ своенравный человѣкъ отра-

вляетъ удовольствіе цѣлаго общества, когда самъ не может ъ раздѣлять его. Я вамъ скажу исторію, въ которой вы найдете подобный примѣръ. —

БРИНБОРЬОНЪ,

СКАЗКА.

Въ нѣкоторое время былъ мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, столь малаго роста, что съ самаго рожденія прозвали его Бринборьономъ; а это названіе значитъ *ничто, бездѣлку*. Бринборьонъ былъ величиною съ сапогъ; но онъ то награждалъ злымъ нравомъ, чего не дала ему природа въ ростѣ. Онъ былъ золъ, какъ рыжій оселъ, и хитръ какъ обезьяна. Онъ лишился родителей, и его крестная мать, добродушная фея, которую звали Берникетою, однажды говорила ему: послушай, Бринборьонъ? Я люблю тебя, какъ своего роднаго сына, потому что ты не глупъ, умѣ-

ешь читать, писать и знаешь арифметику; но боюсь, чтобы твое сердце не было столько дурно, сколько ты одаренъ хорошимъ умомъ. Я всегда говорила тебѣ о тихости, благоразумiи и любви ко всѣмъ людямъ. Ты знаешь, что гораздо лестнѣе заставить себя любить, нежели привлечь ненависть. Я хочу испытать твой характеръ; и естьли найду его достойнымъ моего вниманiя: то осыплю тебя благодѣянiями и женю на прекрасной дѣвицѣ, у которой двадцать ящиковъ съ рубинами, изъ которыхъ самой малый будетъ величиною съ мой кулакъ Вотъ тебѣ прутикъ, съ которымъ получаешь отъ меня даръ вол-

шебства. Пока онъ будетъ у тебя, то все, чегобы ты ни захотѣлъ, исполнится въ одно мгновеніе; но знай, что твое лицо будетъ свѣже, какъ роза, когда имъ будешь пользоваться для благотворенія; но есть-ли употребишь ко злу и ко вреду подобныхъ себѣ: то оно пожелтѣетъ, какъ дыня. Не забудь же моихъ словъ.— Ступай, куда глаза поведутъ, и не надѣйся видѣться со мною прежде, нежели я сама позову тебя. Съ этаго же времени будетъ для тебя невидимъ мой домъ, эти луга, лѣсъ и я сама. Прощай Бринборьонъ! обними меня и ступай!

Взявши прутикъ, пошелъ Бринборьонъ и чесалъ голову,

сердясь на фею Берникету за то, что заставила его бродить по бѣлому свѣту. Не успѣлъ онъ отойти нѣсколько шаговъ отъ дому своей крестной матери, какъ изчезъ домъ, и все мѣстоположеніе вокругъ его такъ перемѣнилось, что онъ не зналъ, гдѣ онъ очутился. Вотъ какая забавная мысль пришла въ голову моей матери! Для чего ей испытывать меня? Развѣ она не знаетъ, что я любезенъ, уменъ и тихъ? даже слишкомъ тихъ? А есть-ли когда ссорюсь, то въ этомъ виноваты товарищи. Они безпрестанно спорятъ со мною, сердятъ меня. — Такъ судятъ, любезныя дѣти! дурные и вспыльчивыя люди. Они дума-

ютЪ, что всѣ вооружились противЪ нихЪ, между тѣмЪ, какЪ они сами мучатЪ всѣхЪ.

При наступленіи ночи Бринборьонъ пришелЪ вЪ деревню, вЪ которой увидѣлЪ людей, которыя ходили взадЪ и впередЪ; услышалЪ даже запахЪ жаркова, который показался ему очень пріятенЪ и возбудилЪ аппетитЪ.

Дай постучаться, сказалЪ БринборьонЪ, можетЪ быть зозяинЪ дастЪ мнѣ поужинать и пуститЪ переночевать? Стучится: токЪ, токЪ, токЪ. СтарецЪ отворяетЪ ворота: что тебѣ надобно, другЪ мой? — То, чего я хочу. Не уже ли ты не догадаешься? Кажется, не трудно узнать, что вЪ такое

время нуженъ ночлегъ. — Я не могу принять тебя, любезный малютка: ты видишь, что я выдаю дочь замужъ, и что у меня теперь много гостей. Во всякое другое время я бы очень радъ былъ тебѣ. Поди по дальше; ты безъ сомнѣнія найдешь себѣ ночлегъ. Желаю тебѣ добраго вечера.

Крестьянинъ затворилъ ворота, и Бринборьонъ такъ разсердился за отказъ, хотя онъ былъ очень учтивъ, что закричалъ ему въ слѣдъ: . . . . ч. . . побери тебя и съ свадьбой!

Вдругъ поднялся страшный подземный шумъ; выходятъ тысяча ч. . . . . ломаютъ двери у крестьянина, уносятъ же-

ниха и невѣсту, отца, мать, братьевъ и всѣхъ гостей.

Бринборьонъ, устрашенный нечаянным явленіемъ сихъ ч.... побѣжалъ прочь и бѣгалъ до зари. Наконецъ очутился на берегу прекраснаго канала. Двенадцать гондолъ, украшенныхъ цвѣтами, плавали по водѣ. Красные и бѣлые атласные паруса развѣвали на нихъ. Со всѣхъ сторонъ приносили въ нихъ вино, пироги, конфекты, и проч. Между тѣмъ какъ Бринборьонъ занимался этою сценою, приходитъ человѣкъ пятьдесятъ мущинъ, женщинъ и малыхъ дѣтей. Всѣ были одѣты въ бѣлое платье и перепоясаны лентами. Радость одушевляла сіе общество. Ста-

рикъ, котораго держали подъ руки, по крайней мѣрѣ лѣтъ ста, былъ главою его. Бринборьонъ останавливаетъ одного изъ этой толпы и спрашиваетъ: куда они идутъ? — За одну милю отсюда на маленькой островокъ праздновать новый сотый годъ этого старика, которому мы всѣ дѣти и внуки. — Возьмите и меня съ собою. — Тебя? сохрани насъ Боже! на что намъ такой карлица? У тебя страшная болѣзнь, потому что лице у тебя желто, какъ дыня.

Въ самомъ дѣлѣ у Бринборьона лицо пожелтѣло съ того времени, какъ онъ навлекъ нещастіе на свадьбу крестьянина. Бринборьонъ пришелъ въ

бѣшенство, требуетъ, чтобъ пустили въ гондолу. Его оттолкнули. Онъ видя, что всѣ сѣвши въ гондолы, поплыли при звукѣ веселой музыки, пошелъ назадъ въ неистовствѣ, и произнесъ проклятіе: мерзкіе люди! Я желалъ бы, чтобъ поднялась буря и васъ всѣхъ потопила.

Вдругъ небо покрывается облаками, гремитъ громъ, разражается надъ маленькимъ флотомъ и потопляетъ его со всѣми нещастными пассажирами. Буря была съ великимъ дождемъ. Бринборьонъ ушелъ въ небольшую хижину, которую видѣлъ неподалеку. Казалось, что въ этой хижинѣ не жилъ никто: однако онъ нашелъ

столъ, лавку и зеркало, и посмотрѣвшись въ зеркало, увидѣлъ, что у него лицо примѣтно желтѣетъ. Онъ испугался, вспомнилъ наставленія своей крестной матери и заплакалъ. Боже мой, говорилъ онъ, какой я злодѣй! мой дурной нравъ погубилъ нѣсколько семействъ. Естьли бы это была пустыня, то я остался бы здѣсь на всю жизнь, и старался бы загладить раскаяніемъ свои преступленія. Едва успѣлъ онъ окончить сіи слова, какъ явилась подлѣ хижины небольшая церьковь, украшенная образами и горящими свѣчами. Вотъ какое чудо! но тутъ нѣтъ попа? Не ужли рокъ опредѣляетъ мнѣ какую

судьбу? — Я лучше хочу у какого нибудь трактирщика ворочать вертѣломъ.

И это желаніе исполнилось. Является печь, пылаетъ огонь, и у печи лежитъ множество зайцовъ, баранины и другой живности; но все сырое, и готовые вертѣлы ожидаютъ, кто бы ихъ ворочалъ.

Какъ я глупъ, сказалъ Бринборьонъ, что прошу у другихъ хлѣба, между тѣмъ какъ самъ могу сдѣлать помощію прутика все, что угодно. Я не ученикъ повара, чтобы ворочать вертѣлы. Естьли бы эта говядина была изжарена, то я бы поѣлъ ее.

Вдругъ разливается пріятный запахъ жаркаго и наруж-

ный видъ показываетъ, что говядина готова. Бринборьонъ поѣлъ съ аппетитомъ, а послѣ обѣда пошелъ прогуляться возлѣ прекрасной нивы, которая только въ двухъ шагахъ была отъ него. Не подалеку видѣнъ былъ богатый домъ. На дорогѣ встрѣчается ему бѣдная женщина въ рубищѣ, и проситъ у него милостыни. Ея жалкой видъ тронулъ Бринборьона. Какія нещастныя, говорилъ онъ съ самимъ собою, есть люди! Вотъ прекрасный домъ, въ которомъ все показываетъ богатство; а эта бѣдная женщина проситъ подъ окномъ хлѣба: для чего не перейдетъ къ ней для поддержанія жизни то, что богатый хозяинъ этаго дома имѣетъ для роскоши?

Помилуйте! закричала нещастная женщина, что у меня въ карманѣ? — Какъ онъ тяжелъ!

Нищая опустила руку въ карманъ и находитъ множество золотыхъ и серебреныхъ денегъ. Береги эти деньги, сказалъ Бринборьонъ, и будь щастлива! — Нищая ушла, и Бринборьонъ пришелъ къ нивѣ, на которой хотѣлось ему прогуляться. Тутъ выбѣгаетъ изъ сельскаго богатаго дома человѣкъ съ бродящими глазами, съ видомъ сумасшедшаго и кричитъ: у меня украли золото, у меня украли деньги. Деньги ваши не украдены, отвѣчалъ Бринборьонъ: онѣ только въ другія руки перешли. — Плу-

тишка! ты знаешь воровъ! Я повѣшу тебя, не смотря на то, что лицо твое свѣже, какъ роза въ моемъ саду.

Бринборьонъ обрадовался, узнавши, что благодѣяніе, бѣдной женщинѣ оказанное, перемѣнило цвѣтъ его лица, и смѣялся надъ бѣшенствомъ богатаго мужика. Поди, говорилъ Бринборьонъ, повѣсь свою кошку.

Вдругъ кошка повисла надъ воротами. Судороги мучили ее и она ужасно мяукала. Мужикъ бѣжитъ къ ней и кричитъ: кошечка! кошечка! — Бринборьонъ идетъ на ниву, гдѣ около двадцати человѣкъ жали хлѣбъ. Бринборьонъ спрашиваетъ у нихъ: который часъ?

— Смотрите-ка, братцы! говоритъ одинъ изъ нихъ, этотъ карлица почитаетъ насъ часами. Онъ небольше моей ноги и желтъ какъ лимонъ. — Ты ошибся, отвѣчалъ Бринборьонъ, напротивъ у меня лицо, какъ роза. — Да, такая роза, какъ добрая дыня, или какъ наша нива. — *Пусть* же ваша нива превратится вся въ осоку. Вы ослы, вамъ не надобно лучшаго корму.

Черезъ минуту нива ничего болѣе не представляла, кромѣ густой осоки, и жнецы превратились въ ословъ. Они рычали и бѣгали за Бринборьономъ, который и самъ испугавшись, бѣжалъ и остановился уже у большаго города, въ

которой взошелъ онъ при захожденіи солнца. Злой карла былъ желтъ, какъ дыня, и всѣ бѣгали отъ него, какъ отъ язвы. Какіе это безумные люди, сказалъ наконецъ взбѣсившись Бринборьонъ! вѣрно они никогда не видали въ своемъ городѣ иностранныхъ! Естьли бы они пожелтѣли подобно мнѣ: то узнали бы, пріятно ли терпѣть такія насмѣшки?

Какая нечаянная перемѣна поражаетъ Бринборьона! Всѣ люди, которые ему встрѣчаются, имѣли желтое лице, и каждый, почитая виновникомъ всего нещастія гнуснаго карлу, беретъ палку и хочетъ бить Бринборьона. Га! негодные! берегитесь, чтобъ я не

сожегъ вашего города, и васъ самихъ не превратилъ бы въ. ......

Онъ не имѣлъ времени окончить своего проклятія; невидимая рука схватила его за волосы, подняла его на воздухъ, и онъ уронилъ волшебный прутикъ. Злой ребенокъ! сказала ему Берникета, которая его схватила.

Бринборьонъ не смѣетъ сказать ни одного слова. Волшебница перенесла его къ себѣ въ домъ и говорила ему: что ты надѣлалъ? развѣ я дала тебѣ волшебный прутъ для того, чтобы ты вредилъ другимъ? — Хорошо, что я загладила всѣ твои бѣды. Не будучи видима, я слѣдовала вездѣ за тобою, и немедленно спасала неща-

стныхъ жертвъ. За справедливый отказъ, сдѣланный тебѣ добрымъ крестьяниномъ, у котораго просилъ ночлега, ты послалъ его къ ч... со всѣмъ семействомъ и со всѣми гостьми, бывшими у него на свадьбѣ. Я вырвала сихъ людей изъ ч....скихъ когтей, и они теперь спокойно въ своемъ домѣ играютъ свадьбу. Это семейство, которое приготовлялось праздновать сотый годъ своего почтеннаго старца, ты потопилъ его въ волнахъ за то только, что оно не приняло въ свой кругъ посторонняго человѣка. Я сама проводила его на щастливой островокъ, гдѣ оно еще и теперь предается упоенію дѣтскаго почтенія и

братской нѣжности. Старая нищая не имѣетъ болѣе денегъ, которыя ты ей далъ. Она получила ихъ ни за что: однако за эту чувствительность лице твое приняло видъ розы, котораго ты вскорѣ лишился, издѣваясь надъ хозяиномъ сельскаго дома, справедливо жаловавшемся на свою потерю. Сверьхъ сего лишилъ ты его любимой кошки, и повѣсилъ это бѣдное животное, которое тебѣ не сдѣлало никакого зла. Ты разрушилъ надежду жатвы, погубилъ нещастныхъ жнецовъ и еще хочешь опустошать цѣлые города. Этаго уже слишкомъ много; ты злой ребенокъ, бичь человѣчества. Но я лишу тебя средствъ

дѣлать зло, осуждая просидѣть на этой печи тысячу лѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ Берникета посадила Бринборьона на печь, и онъ лишившись языка, походилъ на Китайскую куклу, безпрестанно передвигающую руками и ногами.

Просидѣвъ на печи тысячу лѣтъ, онъ не получилъ свободы, но былъ разбитъ и умеръ. Вѣ приходившїе къ Берникетѣ, смотрѣли на куклу, и ф-я говорила имъ: это мой крестной сынъ Бринборьонъ, котораго я удалила отъ человѣческаго сообщества, потому что онъ бѣсился за всякую бездѣлку, нарушалъ другихъ удовольствїя, однимъ словомъ: былъ злой ребенокъ, который не дѣлалъ ничего, кромѣ вреда.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙНАДЕСЯТЬ.

Одинъ разъ бабушка обѣщалась приготовить намъ конфекты; но сказала, что раздѣлитъ ихъ тѣмъ только изъ насъ, которыми будетъ довольна. Легко можно догадаться, что дома всѣ удвоили свою осторожность въ разсужденіи поведенія, и свое усердіе къ ней. Но братъ Фанфанъ хотѣлъ, чтобы ему больше всѣхъ досталось, и для сего принялъ такія мѣры: онъ разсказалъ бабушкѣ всѣ наши тайности, которыя не дѣлали намъ чести. Братецъ Августъ, говорилъ онъ ей, взялъ у васъ сыръ, Адольфъ прибилъ Лелю, а Беноній сгрызъ всѣ орѣхи и проч.

Бабушка слушала его, не говоря ни слова; но когда пришло время раздавать конфекты, то позвала насъ всѣхъ, и раздѣля намъ пребольшое блюдо, Фанфану не дала ни крошки. Ты думалъ, другъ мой! сказала ему бабушка, что принесешь мнѣ удовольствіе, очернивши своихъ братьевъ; однако обманулся. Ты сдѣлался ябедникомъ, а я этого не люблю. Тебѣ бы должно защищать другихъ, потому что ты самъ проступаешься каждую минуту; тебѣ бы должно ходатайствовать у бабушки о своихъ братьяхъ, а ты напротивъ первый ихъ обвиняешь. Какъ это дурно! — Теперь ѣшь сухой хлѣбъ и смотри на брать-

евъ, какъ они лакомятся сладкими конфектами, которыхъ ты не заслужилъ. Между тѣмъ скажу вамъ, дѣти! сказку о двухъ братьяхъ. Фанфанъ увидитъ въ ней ребенка совсѣмъ не такого, какъ онъ.

БѢЛОЙ ВОЛКЪ

и

КРАСНЫЕ САПОЖКИ СКОРОХОДЫ.

СКАЗКА.

Въ нѣкоторое время была очень богатая дама, которая два раза выходила замужъ, и не смотря на то, осталась вдовою. У ней было два сына: одинъ отъ перваго мужа, по имени Женжолетъ, котораго злая волшебница поклялась преслѣдовать; другой отъ втораго по имени Боннетъ, которому покровительствовала добрая фея. Сіи два брата нѣжно любили другъ друга, и кто обижалъ одного, тотъ чувствительно обижалъ и друга.

го. Однажды случилось, что мать сказала Женжолету, котораго она не столько любила, какъ меньшаго своего сына Боннета: Женжолетъ! поди отнеси эти бисквиты и конфекты женѣ управителя моей деревни. Она больна, и это будетъ для нее очень хорошо.

Женжолетъ пошелъ. Минуло дни два, а онъ еще не воротился. Вотъ что случилось съ нимъ: ему надобно было итти черезъ лѣсъ. Тутъ увидѣлъ онъ множество орѣховъ и остановившись сталъ ихъ рвать, бить, играть ими, какъ между тѣмъ подбѣжалъ къ нему бѣлый волкъ и говорилъ: я съѣмъ тебя, Женжолетъ, естьли ты не отдашь мнѣ

этихъ бисквитовъ и конфектовъ. — Злой волкъ! ты не боленъ, и тебѣ не нужно такое кушанье. Я повторяю, что съѣмъ тебя, естьли не отдашь своихъ бисквитовъ и конфектовъ.

Женжолетъ принужденъ былъ удовлетворить обжорѣ, а не исполнивши порученія, которое сдѣлала ему мать, онъ не смѣлъ воротиться домой. Бѣдной ребенокъ плакалъ, лежа на травѣ, и не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ начали очень безпокоиться домашніе, а особливо горевалъ по немъ маленькой Боннетъ. Онъ провелъ первую ночь безъ сна, не спалъ и другую, и услышалъ голосъ, который говорилъ ему: надѣнь сапожки, которые найдешь ты

завтра у кровати. Это сапожки скороходы. Они помогутъ тебѣ найти брата.

Маленькой Боннетъ очень удивился, нашедши въ самомъ дѣлѣ по утру пару красныхъ сапожковъ, которые были такъ хороши, что всякой предпочелъ бы ихъ самымъ лучшимъ сафьяннымъ. Онъ надѣлъ ихъ и гигантскимми шагами, которые приводили его часъ отчасу въ большее удивленіе, въ одну минуту добѣжалъ до лѣсу, гдѣ былъ Женжолетъ. Онъ разсказалъ маленькому Боннету о своей безразсудной игрѣ и объ угрозахъ бѣлаго волка, который отнялъ у него ношу. Подожди, сказалъ маленькой Бон-

нетъ, обнимая его, я помогу этому горю.

Послѣ этихъ словъ онъ побѣжалъ купить бисквитовъ и конфектовъ, отнесъ ихъ къ больной, потомъ воротившись къ брату, привелъ его за руку къ матери, и извинялъ Женжолета передъ нею нечаянным припадкомъ, который заставилъ его пробыть у управителя.

Спустя мѣсяцъ мать призываетъ опять Женжолета и говоритъ ему: вотъ корзина съ бекасами и куропадками; отнеси ее въ деревню. Послѣ завтра буду я тамъ обѣдать съ своими друзьями.

Женжолетъ беретъ тяжелую корзину, идетъ, старается миновать лѣсъ, въ ко-

торомъ напалъ на него бѣлый волкъ. Выходитъ на прекрасный лугъ. Тутъ множество дѣтей играютъ въ жмурки. Женжолетъ, по своей склонности къ игрѣ, поставилъ корзину и такъ долго игралъ съ ними, что не видалъ, какъ и ночь наступила. Наконецъ опомнившись, схватилъ корзину и побѣжалъ изо всей силы, досадуя на себя, что такъ долго заигрался. Но тутъ является бѣлый волкъ и говоритъ ему: я хочу ѣсть, Женжолетъ! ты долженъ отдать мнѣ эту живность, которую ты несешь, въ противномъ случаѣ я съѣмъ тебя самого. — Жестокой волкъ! что я сдѣлалъ тебѣ? — Я съѣмъ тебя, естьли не отдашь своей ноши.

— Возьми проклятый! но я теперь пропалъ.

Волкъ уноситъ добычу, а Женжолетъ заливается опять горькими слезами. Между тѣмъ прибѣгаетъ маленькой Боннетъ въ красныхъ своихъ сапожкахъ. Я опасался, любезный братъ! говорилъ онъ, чтобы не случилось съ тобою новаго нещастія. Говори, что съ тобою сдѣлалось?— Злой волкъ все отнялъ у меня. Не тужи, я помогу этому горю.

Сказалъ и полетѣлъ; накупилъ дичи, относитъ ее въ деревню и возвращается съ Женжолетомъ къ матери, которая сдѣлала ему выговоръ за его игру; однако простила по прозьбѣ маленькаго Боннета.

Через недѣлю мать еще дѣлаетъ препорученіе Женжолету. Она велѣла ему отнести къ одному изъ друзей фарфоровыя чашки, которыя купила она ему въ подарокъ. — Естьли разобьешь этѣ чашки, то лучше не приходи домой. Сими словами мать проводила Женжолета.

Женжолетъ пошелъ. Но такъ какъ было очень жарко, то онъ остановился на нѣсколько времени у ручья, по долинѣ протекавшаго, и легъ на берегу. Любопытство завело его посмотрѣть чашки, и онъ началъ перебирать ихъ одну послѣ другой. Между тѣмъ, какъ онъ удивлялся чашкамъ, является бѣлой волкъ и говоритъ ему: Женжолетъ! есть ли у тебя что дать мнѣ? — Обжора! ты

все еще пристаешь ко мнѣ. У меня нѣтъ ничего, кромѣ этихъ чашекъ; я думаю, что ты не ѣшь фарфору. Нѣтъ! но я ѣмъ людей. Ты будешь для меня завтракомъ.

Волкъ бросается на Женжолета, а сей спасается отъ него бѣгомъ. Волкъ передавилъ ногами всѣ чашки, и уже догоняетъ бѣднаго Женжолета, какъ вдругъ подоспѣлъ въ красныхъ сапожкахъ маленькой Боннетъ, бросаетъ злому волку свой завтракъ, который подхвативши его, скрывается. Я боялся въ разсужденіи тебя, но слава Богу! ты избавленъ. Гдѣ же твои чашки? Ты видишь, что они разбиты. — Трудно помочь этому неща-

стію, потому что у меня нѣтъ столько денегъ, чтобы купить такія дорогія вещи. Но дѣлать нѣчего, пойдемъ домой. Я найду средства извинить тебя.

Маленькой Боннетъ приводитъ Женжолета къ матери, и зная, какую имѣетъ онъ власть надъ ея сердцемъ, беретъ всю вину на себя, говоритъ ей, что онъ играя съ братомъ, разбилъ чашки, самъ плачетъ и принимаетъ такой печальной видъ, что мать простила его, и не сказала ни слова виноватому Женжолету.

Наконецъ строгая сія женщина черезъ нѣсколько дней говоритъ своему большому сыну: Женжолетъ! поди за двѣ мили отсюда, приведи мою крестную дочь. Я хочу взять

ее отъ кормилицы. Эти добрые люди, у которыхъ она была, сдѣлались больны и не могутъ принесть мнѣ ее сами. Я повѣряю ее твоему попеченію; берегись, чтобъ не случилось съ нею чего нибудь, иначе будешь отвѣчать своею головою. — Очень хорошо, маминька.

Женжолетъ предпринялъ новое путешествіе, и какъ онъ шелъ прямо своимъ путемъ, нигдѣ не останавливаяся, то ничего не случилось съ нимъ до самой деревни, гдѣ онъ съ письмомъ своей матери получилъ отъ кормилицы дитя. Тутъ Женжолетъ пошелъ тихимъ шагомъ, иногда велъ четырехъ-лѣтняго ребенка, иногда несъ на рукахъ. Но прибли-

жившись къ одной большой рѣкѣ, не могъ болѣе противиться своей страсти, которую онъ имѣлъ къ игрѣ, и посадивши ребенка на траву, сталъ рвать цвѣты, связалъ изъ нихъ букетъ и положилъ его; потомъ взялъ дитя на колѣни, ласкалъ, обнималъ и заставлялъ его плясать какъ куклу, самъ припѣвая пѣсенки. Женжолетъ глупъ и всегда самъ бываетъ виноватъ, что ни случается съ нимъ.

Въ это время прибѣгаетъ къ нему бѣлый волкъ. А, кричалъ ему злое животное, не бѣги; теперь поздно. Пріятный запахъ молодаго мяса поразилъ меня за три мили. Ты долженъ мнѣ отдать эту малютку на съѣденіе. — Боже мой!

чего требуетъ онъ отъ меня? — Этаго ребенка! скорѣе подавай. — Нѣтъ, злодѣй! съѣшь лучше меня. — О! хорошо! такъ я васъ обоихъ съѣмъ. Но только начну съ малютки. Какое прекрасное мясо! какая прекрасная кровь! Теперь-то наѣмся въ сласть.

Бѣлый волкъ, не смотря на Женжолетовы сопротивленія, схватилъ бѣднаго ребенка и проглотилъ въ одинъ разъ.

Что же чувствуетъ Женжолетъ, видя такое похищеніе? — Онъ безъ движенія падаетъ на землю и бѣлый волкъ готовъ уже былъ его проглотить, какъ маленькой Боннетъ явился на другомъ берегу рѣки. Онъ видѣлъ опасность, которой подвергался его любезный братъ;

но не находя лодки переѣхать къ нему, онъ бросился въ воду и хотѣлъ переплыть рѣку; но какое чудо! Онъ въ своихъ сапожкахъ скороходахъ идетъ по водѣ, какъ по мосту, и меньше, нежели въ минуту очутился на берегу, гдѣ безъ чувствъ лежалъ Женжолетъ. — Га, гнусное животное! ты не хочешь еще бѣжать отсюда. Волкъ съ изумленіемъ смотритъ на него, не трогаясь съ мѣста. Маленькой Боннетъ обнимаетъ своего брата, согрѣваетъ его поцѣлуями и чрезъ нѣсколько времени Женжолетъ приходитъ въ чувство. —

Милой братецъ! онъ съѣлъ ее! — Кого? — Маминькину крестную дочь. — Ахъ, Боже мой! какое нещастіе, и еще

онъ на насъ смотритъ. Взгляни еще разъ, проклятый! Естьли не уйдешь, то я тебя убью.

Маленькой Боннетъ былъ отваженъ и не жалѣлъ своей жизни для спасенія брата; схвативши одинъ свой сапогъ, онъ бросаетъ имъ въ волка съ такою силою, что волкъ упалъ на мѣстѣ.

Тутъ два наши брата увидѣли чудесное дѣйствіе волшебной силы, которая заключалась въ сапожкѣ. Волчій трупъ изчезъ, и на его мѣстѣ видна была маленькая дѣвочка. Она лежала на розовой постели, и казалось, спала глубокимъ сномъ. Однако маленькой Боннетъ почиталъ ее мертвою. Онъ слегка притронулся къ

ней—и дитя, открывши глаза, начало улыбаться.

Въ ту же минуту является прекрасная дама въ одноколкѣ, запряженной крылатыми улитками. Я волшебница Боннаса, говорила она маленькому Бонненту, твоя покровительница съ самаго твоего рожденія. Братская твоя нѣжность и неустрашимость разрушили очарованія волшебницы Рипонеты, величайшей Женжолетовой непріятельницы. Бѣлой волкъ былъ только фантомъ, который она производила, чтобъ устрашить его и привести его въ какую нибудь бѣду, потому что эта волшебница имѣла власть надъ нимъ тогда только, когда онъ самъ былъ оплошенъ, напр. когда игралъ, заглядывался и проч.

Теперь все кончилось. Бѣлаго волка больше не будетъ, потому что фея Рипонеша лишилась своего талисмана.

Садитесь, любезныя дѣти! въ мою одноколку. Я провожу васъ къ вашей маминькѣ.

Волшебница Боннаса подала руку двумъ братьямъ, и они сѣли подлѣ нее. Вѣтеръ помчалъ ихъ одноколку чрезъ рѣку и черезъ минуту они очутились у своей матери, которой добрая волшебница подробно разсказала, какъ маленькой Боннетъ помогалъ своему простодушному брату, гонимому злою волшебницею. Мать была очень рада этой новости, благодарила Боннасу за покровительство, дала наставленіе Женжолету; а маленькому Боннету оказы-

вала двойную нѣжность и всегда приводила его въ примѣрѣ братской любви.

Вотъ, любезныя дѣти! ребенокъ, который сердечно любя своего брата, не былъ такимъ ябедникомъ, какъ Фанфанъ. Напротивъ онъ его защищалъ даже тогда, когда онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ; а въ иное время бралъ на себя и его проступки. Пусть эта исторія послужитъ вамъ урокомъ и научитъ васъ, что любовь, усердіе и снисхожденіе между братьями связываютъ людей дружествомъ въ семъ свѣтѣ.

КОНЕЦЪ
второй и послѣдней части.

